

А. В. Ганин

«ЭТО БЫЛ ЧЕЛОВЕК, НЕСОМНЕННО,
УМНЫЙ И ЭНЕРГИЧНЫЙ»:

Полковник Б. П. Поляков и антибольше-
вистское движение на Северо-Западе
России

Вопрос о репрессиях в эпоху Гражданской войны сложен и неоднозначен. Порой невозможно точно сказать, кто перед нами — жертва или активный участник конфликта. Сто лет назад, 1 февраля 1919 г., на свободу вышел 35-летний бывший полковник и недавний военспец Красной армии Борис Петрович Поляков. Сидел он в тюрьме с 22 июня 1918 г., а освободился после личного вмешательства главы советского государства В. И. Ленина и вождя Красной армии Л. Д. Троцкого. Как выяснилось позднее, на свободу вышел не безвинно арестованный бывший офицер, а активный деятель белого подполья в Красной армии, вскоре перебежавший к белым. Попробуем разобраться, почему возникла такая ситуация, реконструировать участие Б. П. Полякова в событиях Гражданской войны и, прежде всего, в подпольной работе в Петрограде в 1918 г.

ГЕРОЙ ДВУХ ВОЙН

Поляков родился 1 ноября 1883 г. в семье офицера (по данным на 1917 г., его отец, генерал-майор Петр Васильевич Поляков, находился в Одессе¹). Окончил Орловский Бахтина кадетский кор-

¹ Архив Гуверовского института (НИА). В. V. Gerua collection. Box 4. Folder 10.

пус, в 1904 г. — Константиновское артиллерийское училище, а в 1911 г. — Императорскую Николаевскую военную академию по 1-му разряду. На службе Поляков состоял с 1901 г. Участвовал в русско-японской войне, был ранен и контужен. Ко времени Первой мировой войны дослужился до капитана, за годы войны стал полковником. Служба Полякова проходила в артиллерийских частях, в том числе в лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригаде, а после академии его прикомандировали для цензового командования ротой к лейб-гвардии Павловскому полку, где он служил с ноября 1911 по ноябрь 1913 г.

В Первую мировую войну Поляков служил старшим адъютантом штаба 49-й пехотной дивизии (эту должность он занимал еще с 26 ноября 1913 г.), обер-офицером для поручений при штабе XXVIII армейского корпуса, старшим адъютантом отдела генерал-квартирмейстера штаба 11-й армии (с 3 декабря 1915 г.), помощником начальника управления военного воздушного флота (с 18 ноября 1916 г.). В 1915 г. награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й ст.

Наконец, с 21 сентября 1917 г. он как заслуженный боевой офицер занял пост штаб-офицера, заведующего обучающимися в Николаевской военной академии офицерами². Тогда же Поляков стал штатным преподавателем военных наук³.

Стремление заниматься военной наукой было ему присуще еще до войны. В феврале 1914 г. Поляков по совету начальника академии генерал-лейтенанта Н. Н. Янушкевича взялся писать диссертацию «Комплектование корпуса офицеров в нашей и иностранных армиях, чинопроизводство в нем и назначение на должности». Работа была прервана войной. В 1917 г. в связи с произошедшими за время войны изменениями он предложил новую тему: «Комплектование корпуса офицеров, назначение на должности и чинопроизводство в нашей и некоторых иностранных армиях перед войною 1914–1917 годов»⁴. Вторую и третью части работы про войну и послевоенное время офицер планировал отложить на будущее. В итоге работа была признана достаточной, хотя от диссертанта потребовали дополнить ее выводами с учетом опы-

² РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1559. Л. 382; Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. : справочные материалы. М., 2009. С. 456.

³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1629. Л. 6 об.

⁴ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1585. Л. 26–26 об.



Б. П. Поляков. 1911
Научный архив Института российской истории РАН

та войны и революции. В академии Полякова застал приход к власти большевиков.

РУКОВОДИТЕЛЬ ПОДПОЛЬЯ В «КОЛЫБЕЛИ РЕВОЛЮЦИИ»

Формально сотрудники академии оказались на службе в Красной армии. Кроме того, некоторые непосредственно получили назначения в войска. Не стал исключением и Поляков, поступивший 12 марта 1918 г. на службу в РККА в качестве военного специалиста. Поляков получил назначение в еще формировавшийся штаб Северного участка и Петроградского района (военный руководитель — бывший генерал-лейтенант А. В. фон Шварц вступил в должность на два дня раньше — 10 марта 1918 г.⁵) на должность для поручений при помощнике военного руководителя. В этом качестве он фигурировал в списке № 11 «бывших офицеров Генерального штаба, заявивших о своем желании получить назначения на соответствующие должности при предстоящих новых формированиях постоянной армии, а также и получивших уже назначения» к 30 июня 1918 г.⁶

В письме генерал-майору Б. В. Геруа, написанном в Ревеле 4 декабря 1919 г., Поляков изложил свои политические взгляды: «Кроме мысли о “единой и неделимой” ничего другого быть не может»⁷. Разумеется, такая позиция находилась в противоречии с идеями, которые предлагали тогда обществу большевики.

Многие офицеры не приняли большевистский режим. В крупных городах, где концентрировалось офицерство, стали появляться подпольные организации. Немало их возникло и в Петрограде. Одним из центров концентрации кадрового офицерства являлась Военная академия, где также зародилась своя подпольная ячейка⁸. Однако Поляков вошел в состав иной подпольной организации, действовавшей в штабе Северного участка и Петроградского района.

Отметим, что адресат письма Полякова, генерал Б. В. Геруа, с марта 1918 г., будучи начальником штаба Северного участка и Петроградского района, руководил подпольной организацией

⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 78. Л. 167.

⁶ РГВА. Ф. 25 863. Оп. 1. Д. 36. Л. 37об.

⁷ НИА. В. V. Gerua collection. Box 4. Folder 10.

⁸ Подробнее см.: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014.

в Петрограде и занимался отправкой офицеров к белым⁹. В январе 1919 г. Геруа бежал в Финляндию. По имеющимся данным, причастен к подпольной работе были и сам военрук А. В. фон Шварц.

Сведения об организации, в которой работал Поляков, противоречивы и отрывочны. О том, что Поляков состоял в подполье, отмечалось в удостоверении другого подпольщика полковника Р. Д. Мергина, выданном в белом Екатеринодаре весной 1919 г. В документе отмечалось, что Мергин еще в ноябре 1917 г. вступил в чине капитана в военную организацию петроградского «Национального центра» (по некоторым предположениям, на самом деле речь шла о «Правом центре»), во главе штаба которой стоял Поляков¹⁰. Мергин был слушателем ускоренных курсов академии, где служил Поляков, а в организации занял пост начальника контрразведывательного отделения, причем 1 апреля 1918 г. выехал на Кавказ со специальными поручениями руководства организации (тайная миссия не расходилась с официальным распределением выпускника академии на Кавказский фронт)¹¹.

В адресованной белому командованию на Юге России разведывательной сводке от 10 (23) августа 1919 г. об азербайджанской армии Мергин упоминал о сотрудничестве Полякова с подпольщиками еще в 1917 г.: «В военных кругах большую роль играет ген[ерал]-майор Салимов¹². Старый кадровый русский офицер, обязанный тому, что он попал на Кавказ, исключительно русским

⁹ *Игнатъев В. И.* Некоторые факты и итоги 4 лет Гражданской войны (1917–1921 гг.). Ч. 1 // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Архангельск, 1993. Вып. 1. С. 108, 119; *Тучков А. И.* Исторический фон // Гражданская война на Севере России глазами британцев. Из фондов Имперского военного музея (Лондон). СПб., 2008. С. 164.

¹⁰ К истории осведомительной организации «Азбука» / Публ. В. Г. Бортневского // Русское прошлое (СПб.). 1993. Кн. 4. С. 187.

¹¹ Там же. 30 апреля Мергин прибыл в Тифлис, заболел возвратным тифом и был в тот же день направлен в госпиталь Красного Креста (РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 469. Л. 444). Впоследствии стал одним из руководящих работников белой контрразведки на Юге России (*Кирмель Н. С.* Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Разведка. М., 2013. С. 197; *Соловьев М.* Предводитель для Веры. Константинопольские страсти контрразведки // Родина. 2011. № 6. С. 112–116).

¹² Салимов Габиб бек Юсуф оглы (1881–30.12.1920) — выпускник ускоренных курсов Военной академии, командированный весной 1918 г. из Петрограда на Кавказ. Впоследствии — генерал-майор. Начальник Главного штаба Азербайджанской республики. Временный начальник Генерального штаба на время командировок генерал-лейтенанта С. А. Сулькевича (28–31.05.1919, 11–19.06.1919).

организациям, работавшим в 1917 году по созданию антибольшевистских армий (Генштаба полковник [ика] Полякова Б. П.)»¹³.

В феврале 1918 г. видным контрразведчиком, бывшим следователем по особо важным делам при штабе Западного фронта В. Г. Орловым в Петрограде по предложению представителей французской военной миссии капитанов Ш. Фо-Па Биде и Э. Вакье и представителей английской армии капитана Ватсона и полковника Бойса с согласия одного из лидеров Белого движения на Юге России генерала М. В. Алексеева, по плану, одобренному бывшим главнокомандующим Кавказской армией генералом Н. Н. Юденичем, находившимся тогда в Петрограде, было организовано тайное разведывательное бюро в составе 80 сотрудников¹⁴. Члены этой организации проникли в советские учреждения. Организация вела сбор важной информации в интересах генерала Алексеева и союзников, кроме того, была организована отправка офицеров к союзникам на Мурман (по свидетельству В. Г. Орлова, переправлено более 800 человек). В марте 1918 г. организация внедрилась в только что созданный штаб Северного участка и Петроградского района. По данным Орлова, штабным работникам говорили, что планируется работа по возобновлению войны с немцами, а доверенным лицам сообщали о работе по свержению большевиков.

Орлов лично и с помощью своей организации связался со штабом фон Шварца и его сотрудниками, которых знал как патриотов и противников большевиков. Поскольку штаб фон Шварца имел право формировать войска, планировалось создание новой армии, нацеленной против большевиков. Ее основу должны были составить возрождавшиеся гвардейские полки. Разумеется, эти планы оказались несбыточными, но все же в гвардейских полках появились ячейки контрреволюционно настроенных и связанных с организацией офицеров¹⁵.

План разрабатывал бывший генерал-майор К. И. Рыльский, который дважды ездил в Москву после переезда туда советского

¹³ ГА РФ. Ф. Р-7002. Оп. 2. Д. 4. Л. 13 об.

¹⁴ НИА. Vrangl collection. Box 29. Folder 28.

¹⁵ Также см.: *Гинченко Я. Ю.* Голофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 347–350, 395–396, 408. Работу в гвардейских частях пытался в начале 1918 г. вести и Б. В. Савинков (подробнее см.: «Я начал формирование боевых единиц как в Москве, так и в провинции». Письма Б. В. Савинкова на белый Юг о деятельности антибольшевистского подполья. 1918 г. / Публ. А. В. Ганина // Исторический архив. 2018. № 5. С. 17–28).

правительства за разрешением на это, но ничего не добился¹⁶. Герой Первой мировой войны, георгиевский кавалер, генерал Рыльский был тесно связан с гвардейскими частями — длительное время до революции служил в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа, занимал должности начальника штаба 1-й гвардейской пехотной дивизии, командира Лейб-гвардии Гренадерского полка, начальника штаба I гвардейского корпуса, командира 2-й гвардейской пехотной дивизии. Весной 1918 г. Рыльский поступил на службу в штаб Северного участка и Петроградского района на должность помощника военрука¹⁷. Видимо, при Рыльском для поручений и состоял Поляков.

Штаб фон Шварца также был связан с союзниками — лейтенантом Видором (возможно, в действительности речь идет о сотруднике миссии А. Видхофе¹⁸), майорами Э. Корбелем и Э. Шапуйи, полковником Э. Бойсом, лейтенантом графом Ж. де Люберсаком, поручиком Хотсенем. Кроме того, Шварц поддерживал связь с британским дипломатом Р. Б. Локкартом. Интересно, что связанный с подпольщиками офицер французской военной миссии в России в 1917–1918 гг., монархист Ж. де Люберсак 27 февраля 1918 г. встречался с В. И. Лениным по вопросу организации борьбы с немцами, а впоследствии служил в союзной контрразведке на Севере России¹⁹.

По оценке выпускника ускоренных курсов Военной академии бывшего капитана Г. И. Теодори, Шварц, Геруа и бывший полковник Ф. И. Балабин «вели отрицательную работу»²⁰. Теодори вообще поставил под сомнение искренность желания старых генштабистов участвовать в создании Красной армии²¹. Уси-

¹⁶ Эти данные косвенно подтверждаются в позднейших показаниях бывшего полковника Лейб-гвардии Преображенского полка Д. Д. Зуева. Он свидетельствовал, что ездил в Москву вместе с Рыльским и другим бывшим генералом А. А. Свечиним, оценивая это событие как «наиболее яркое проявление... связи [подполья] с верхушкой РККА» (*Тинченко Я. Ю.* Голгофа. С. 351).

¹⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 447. Л. 3.

¹⁸ *Галкина Ю. М.* Французская военная миссия в России в годы Первой мировой войны. Дисс. ... к.и.н. Екатеринбург, 2018. С. 149.

¹⁹ *Ганин А. В.* Архивно-следственное дело военного ученого А. А. Свечина. 1931–1932 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 3 (127). С. 289.

²⁰ РГВА. Ф. 33 221. Оп. 2. Д. 216. Л. 9 об.

²¹ Подробнее о конфликте между группами военспецов в штабе Северного участка и Петроградского района см.: *Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 40–57.

ление надзора со стороны ЧК не позволило подпольщикам добиться успеха. Организацию раскрыли, а генерал Шварц бежал из Советской России²².

В своей «Записке об военной организации генерала Шварца в Петрограде», адресованной белому командованию, Орлов отмечал: «Как только выяснилось, что задуманная цель создания белогвардейских частей в центре большевизма провалилась, большинство чинов штаба во главе с ген. Рыльским ушло, а затем, дабы не претерпеть судьбы расстрелянного Щас [т] ного²³, ушел и сам ген. Шварц, а один из его ближайших помощников Генерального штаба полковник Борис Петрович Поляков был арестован Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и ему как помощнику ген. Шварца было предъявлено прямое обвинение в измене Советской Республике, выразившейся в формировании белогвардейских частей и в сношении с союзниками.

На место генерала Шварца был назначен генерал Парский²⁴, являвшийся типичным деятелем красноармейского типа»²⁵. Впрочем, другие документы свидетельствуют, что ситуация с обвинениями Полякова не была столь однозначной, и его только подготавливали.

Структура руководства подпольщиков не вполне ясна. Из имеющихся свидетельств очевидно, что она не повторяла структуру штаба Северного участка и Петроградского района. Но, если в организацию были вовлечены Шварц, Геруа, Рыльский и Поляков, неясно, почему роль второго лица в организации — начальника штаба — возлагалась на самого младшего из них по должности.

Спустя много лет, в феврале 1932 г., бывший капитан Г. И. Теодори, знавший внутреннюю сторону жизни штаба Северного участ-

²² ГА РФ. Ф. Р-3510. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–3.

²³ Алексей Михайлович Щастный (04.10.1881–22.06.1918) — российский военно-морской деятель. Капитан 1-го ранга. Руководил Балтийским флотом во время Ледового похода из Гельсингфорса в Кронштадт в 1918 г. Арестован и расстрелян.

²⁴ Дмитрий Павлович Парский (17.10.1866 (в «Списках Генерального штаба» указана дата рождения — 10.10.1866) — 20.12.1921) — генерал-лейтенант. Военный специалист РККА. Военный руководитель Северного участка и Петроградского района (26.05–08.08.1918).

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-3510. Оп. 1. Д. 5. Л. 2 об. С некоторыми неточностями опубликовано в: О белой борьбе в Петрограде / публ. В. Ж. Цветкова // Белое движение на Северо-Западе России. Белая гвардия. Альманах. 2003. № 7. С. 44.

ка и Петроградского района, несколько сумбурно и не всегда достоверно рассказал о Полякове в своем донесении в органы ОГПУ: «Поляков Борис Петрович. В управлении Военно-воздушного флота царской армии, полковник-гвардеец (2[-я] гвард[ейская] арт[иллерийская] бригада). Находится в Париже. Он был связан со Стоговым²⁶ (давал, очевидно, ему директивы, ибо я его часто видел и у Бориса Геруа, у Шварца, у Стогова и у Белого²⁷). С ним был связан Балабин Филипп²⁸, Лебедев Д. К.²⁹, Левицкий³⁰ и т. д. Одновременно с ним связаны все, кто был связан с Левицким (см. п. 7) и Барановским³¹ (см. п. 15), с Геруа Борисом (см. п. 4).

С Поляковым был связан Пораделов³² и Дюсиметьер³³.

Поляков Борис поддерживал тесную связь с Лебедевым Д. К., с Белым. Оба, Лебедев и Поляков Борис, работали на Антанту, но связаны были непосредственно с английской разведкой, ловко конспирировали и связывали узлы.

²⁶ Николай Николаевич Стогов (10.09.1872–07.12.1959) — бывший генерал-лейтенант, военный специалист РККА. Начальник Всероссийского главного штаба (08.05–07.08.1918). Руководитель подпольной военной организации «Национального центра» — «Штаба Добровольческой армии Московского района» (1918–1919).

²⁷ Александр Сергеевич Белой (06.10.1882–09.05.1938) — бывший полковник, военный специалист РККА. Делопроизводитель Главного управления Генерального штаба. Начальник отделения по службе Генерального штаба Всероссийского главного штаба.

²⁸ Филипп Иванович Балабин (11.10.1881–14.06.1938) — бывший полковник, военный специалист РККА. Начальник оперативного отдела штаба Северного участка и Петроградского района (1918).

²⁹ Дмитрий Капитонович Лебедев (Люик) (16.07.1872–08.01.1935) — бывший генерал-майор, военный специалист РККА. В распоряжении начальника Всероссийского Главного штаба. Начальник военно-ученого архива Всероссийского Главного штаба.

³⁰ Борис Антонович Левицкий (11.07.1884–1919) — бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Участник антибольшевистского подполья. Начальник отдела оперативного управления Всероссийского Главного штаба.

³¹ Владимир Львович Барановский (20.05.1882–11.09.1931) — бывший генерал-майор, военный специалист РККА. Помощник начальника отдела военно-учебного управления Всероссийского Главного штаба.

³² Николай Николаевич Пораделов (15.07.1887–1948) — полковник. Член партии социалистов-революционеров. И.д. генерал-квартирмейстера штаба Петроградского военного округа (с 26.09.1917, на 10.1917). Арестован в Главном штабе (25.10.1917). Предположительно, член штаба юнкерского восстания в Петрограде.

³³ Леон (Лев) Павлович Дюсиметьер (16.01.1883–1930-е) — полковник. Штатный преподаватель военных наук Николаевской военной академии (1917–1918). Отчислен от должности (19.03.1918).

Дюсиметьер Леон Павлович, полковник, работал в воздушной флоте царской армии с Поляковым... Поляков с ним, подвел (так в документе. — А. Г.), ибо Дюсиметьер, несомненно, работал на французов, он автор “черных списков”, т. е. списков об офицерах, работающих на большевиков, проводил эту работу через некоего Пораделова Николая Николаевича (сведения эти были даны агентурному отделу Регистрац [ионного] управления в декабре 1918 г.)»³⁴.

Более содержательны другие свидетельства начала 1930-х гг., оставленные бывшим полковником Лейб-гвардии Преображенского полка Д. Д. Зуевым. В своих показаниях по делу «Весна» 8 января 1931 г. Зуев в качестве руководителя подпольной организации называл своего бывшего сослуживца, активного деятеля монархического движения и авантюриста генерал-майора Б. В. Шульгина. Начальником штаба первоначально стал сам Зуев, которого позднее сменил Поляков. Согласно изложению Зуева, Шульгин сообщил ему в начале февраля 1918 г. о наличных силах и планах подпольщиков следующее:

«1. Большевики удержаться не могут: вопрос их свержения — вопрос короткий.

2. Он, Шульгин, уже давно активно борется: сидел в Кронштадте, где его чуть не вывели “налево”.

3. Он объединяет по военной линии, блок 4-х полков: Преображенского, Семеновского, Вольнского и Финляндского.

4. Поддержка всех партий, до социалистов включительно, причем, их представитель Филоненко³⁵, ближайший друг Савинкова³⁶, — вполне “подходящий” парень.

5. Деньги: кое-что дают банки и дают иностранцы — французы, но через итальянцев, и их обязательное условие — участие социалистов.

³⁴ Цит. по: Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 756–757.

³⁵ Максимилиан Максимилианович Филоненко (27.10.1885–03.08.1960) — присяжный поверенный, политический деятель, активный деятель антибольшевистского подполья, соратник Б. В. Савинкова, двоюродный брат Л. И. Каннегисера, бывшего председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого.

³⁶ Борис Викторович Савинков (19.01.1879–07.05.1925) — революционер, террорист, один из организаторов антибольшевистского подполья в Петрограде и Центральной России (1918).

6. Гв [ардейское] офицерство — Кисляк³⁷, чистят снег и продают... на базаре, необходимо втянуть.

7. В рез [ервном] полку — “свои люди”. Кого нужно — пою, кого нужно — покупаю. Лисов³⁸ — порядочная сволочь, нюхает, откуда ветер, но дело иметь можно.

8. Не хватает организации, поэтому ты — мой начальник штаба с окладом в 2 000 рублей в месяц. Есть конспиративный штаб на Песках, “теплые ребята” из академиков, свои люди в аппарате, в Смольном (машинистки).

9. Надо действовать, а не спать. Основы действий:

- а) пополнение полков своими людьми;
- б) объединение офицерства гарнизона;
- в) атака Смольного, Таврического дворца, вокзалов и банка»³⁹.

Таким образом, подпольная организация имела связи с Военной академией и гвардейским офицерством, пользовалась поддержкой небольшевистских партий. Среди мест встречи штаба организации была квартира двух слушателей Военной академии между Суворовским проспектом и Лиговской улицей (ныне — проспект). По словам Зуева — второй или третий дом от угла по 5-й или 6-й Рождественской улице. К сожалению, установить слушателей, которым принадлежала квартира, не представляется возможным. Упомянул Зуев и о Полякове: «В составе “штаба” примерно через неделю-две после приезда моего и одного заседания на Рождественской (где я носил фамилию Дмитров или Дмитровский), появилась новая и наиболее серьезная фигура — Генерального штаба полковник Поляков (кличка Петрович). Он сделан н[ачальником] ш[таба], а я не то зам[еститель] Шульгина, не то для поручений при нем. Петрович, видимо, прислан к Шульгину извне, видимо, от кругов кадето-октябрьских⁴⁰, ибо все же, видимо, хотели иметь “свой глаз” в таком диком блоке, как монархический (монархист Шульгин и с[оциалист]-р[евольюционер] Филоненко!)

³⁷ Личность не установлена.

³⁸ Алексей Петрович Лисов — бывший поручик гвардии. Комиссар гвардии Преображенского резервного полка.

³⁹ Цит. по: Тинченко Я. Ю. Голгофа. С. 344–345. Сверено с полным текстом показаний из архива правнука Д. Д. Зуева О. Н. Хлестова (Москва).

⁴⁰ То есть кадето-октябристских.

Итак, основная группа периода — февраль–март–апрель: Шульгин, Зуев, Петрович, Филоненко, Курдиновский⁴¹, причем, Петрович включился, вероятно, около конца февраля»⁴².

Из этих показаний можно заключить, что структура организации не была вполне ясна даже ее руководящему кругу. Причастность Курдиновского, Филоненко и Шульгина к подполью подтверждается и в неподцензурном эмигрантском свидетельстве полковника Лейб-гвардии Преображенского полка Н. Д. Нелидова⁴³. По свидетельству последнего, Шульгин, ранее служивший в Преображенском полку, возглавил подпольную организацию с участием, прежде всего, преображенцев в самом начале 1918 г. Подпольщики установили связь с главнокомандующим финской армии генералом К. Г. Э. Маннергеймом и генералом А. А. Брусиловым. В марте 1918 г. Преображенский полк был разоружен, что значительно ослабило подпольщиков. По свидетельству Нелидова, с Курдиновским стал встречаться бывший командир I и II Гвардейских корпусов генерал от кавалерии Г. О. Раух, обсуждавший возможности ведения подпольной работы с ориентацией на германцев⁴⁴.

О работе с гвардейскими полками Д. Д. Зуев показал следующее: «У нас были отрывочные сведения, получаемые на “общих” совещаниях “центра”, причем, было впечатление, что каждая группа чего-то не договаривала ...

Теперь надо сделать вывод, что это была или игра в заговоры с явным (Филоненко) пониманием, что “шумим, братец, шумим” или где-то за этими марионетками слагалось что-либо реально готовившееся. И, пожалуй, что полковник Поляков и был представитель этого действительно серьезного центра ...

К началу лета 1918 года, полк [овник] Поляков занял какую-то штатную должность в Окрвоенкомпете⁴⁵ или штабе ЛВО⁴⁶.

⁴¹ Борис Николаевич Курдиновский — бывший вольноопределяющийся гвардии Преображенского резервного полка, художник, деятель антибольшевистского подполья в Петрограде (1918).

⁴² Цит. по: *Тинченко Я. Ю.* Голгофа. С. 347–348. Внесены уточнения по полному тексту показаний из архива правнука Д. Д. Зуева О. Н. Хлестова (Москва).

⁴³ *Нелидов Н. Д.* Заговоры в Петрограде // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1928. Т. 4. С. 195–196, 201.

⁴⁴ Там же. С. 204.

⁴⁵ Петроградский окружной военный комиссариат.

⁴⁶ Д. Д. Зуев приводит в качестве аналогии наименование штаба Ленинградского военного округа 1930-х гг.

Во всяком случае он имел кабинет там, где сейчас ПУОКР⁴⁷, а ранее, в 1922–23 гг. был ПЕТУВУЗ⁴⁸, т. е. входом прямо от аллеи, идущей от Дворцового моста. В этом помещении однажды имело место краткое свидание Полякова, Шульгина (не уверен), меня и генерала Лечицкого⁴⁹. Суть была в том, чтобы уговорить Лечицкого войти в Красную армию; этим именем притянуть массу офицеров, а затем использовать обстоятельства. Лечицкий сумрачно выслушал первую часть, а когда пошло развитие темы, то быстро ушел, бросив что-то: “Нам не по пути” или в этом роде.

Было еще одно или два свидания с Поляковым на его квартире, где-то в конце Каменноостровского, в новом доме. Кабинет Полякова был обставлен Наполеонами и в масле, и на дереве, и в бронзе, и в мраморе. Видимо, он болел цезаризмом. В качестве “реальной силы” приводился уже Бутовский⁵⁰ и докладывал о состоянии полотна, охраны, минирования и т. п. (полагаю, что кое-что прибавлял, зная его характер)⁵¹. Интересно, что Лечицкого как многого главу подпольной организации упоминал в своих воспоминаниях и Н. Д. Нелидов со слов генерала А. И. Верховского, также связанного с подпольем и рассчитывавшего на переворот при помощи рабочих⁵².

В других показаниях Зуев отметил: «Поляков, имени не знаю, отчество — Петрович, полковник Генерального штаба, в то время примерно лет 35–40, склонный к полноте, шатен, волосы носил бобриком, английские усы подстриженные, одевался элегантно, небольшого роста. Можно предположить, что он выпуска из академии 1909–12 гг. Абсолютной уверенности, что эта фамилия у него правильна [нет], но незначительная уверенность, что — да»⁵³.

Свидетельство Зуева не вполне проясняет картину взаимодействия петроградских подпольщиков. Можно предположить, что

⁴⁷ Окружное политическое управление.

⁴⁸ Петроградское управление военно-учебных заведений.

⁴⁹ Платон Алексеевич Лечицкий (18.03.1856–18.02.1923?) — бывший генерал от инфантерии. В отставке (с 1917).

⁵⁰ Дмитрий Дмитриевич Бутовский — бывший штабс-капитан Лейб-гвардии Преображенского полка, помощник начальника охраны участка на Финляндской железной дороге, член подпольной организации в Петрограде.

⁵¹ Цит. по: *Тинченко Я. Ю.* Голгофа. С. 348, 350, 357. Внесены уточнения по полному тексту показаний из архива правнука Д. Д. Зуева О. Н. Хлестова (Москва).

⁵² *Нелидов Н. Д.* Заговоры в Петрограде. С. 206.

⁵³ Цит. по: *Тинченко Я. Ю.* Голгофа. С. 371–372. Сверено с полным текстом показаний из архива правнука Д. Д. Зуева О. Н. Хлестова (Москва).

Полякова делегировали в организацию Шульгина от штаба Северного участка. Но неясно, как соотносились полномочия не занимавшего в 1918 г. должностей в РККА Шульгина с обладавшими военной властью подпольщиками в руководстве штаба Северного участка. Известно, что уже летом 1918 г. Шульгин покинул Петроград и перебрался на Украину (петроградские чекисты в конце августа 1918 г. арестовали сестру Шульгина, а в декабре ее расстреляли⁵⁴).

В целом, в первой половине 1918 г. в Петрограде существовал целый ряд подпольных антибольшевистских офицерских организаций в военно-учебных заведениях, в штабах и в воинских частях. Характерно свидетельство капитана 1-го ранга Г. Е. Чаплина, который вспоминал в эмиграции: «Должен сказать, что к маю 1918 года я не избег общей участи и состоял в рядах “тайной” офицерской организации, коим в те дни в одном Петербурге⁵⁵ имя было легион. Состоя даже в рядах ее “штаба”, я прекрасно сознавал всю беспомощность нашего положения, главным образом, в силу полного нашего безденежья, и вся наша деятельность в те дни выражалась в переправке лиц на Дон, к чехословакам на Волгу и, редко, к союзникам на Мурман. Работа наша со дня на день усложнялась, все большее число наших людей не доезжало до назначения и стало ясным, что при таком положении вещей наша деятельность должна прекратиться»⁵⁶. Во главе организации Чаплина помимо него стояли военно-морской врач и два полковника — гвардии и Генерального штаба. Организация контактировала с британской разведкой.

Известно и о существовании подпольных организаций, создававшихся по другим принципам (прогерманская «Великая единая Россия», «Правый центр», «Национальный центр», различные право- и левоэсеровские организации и другие⁵⁷). Собственную агентурную сеть в Петрограде создал и опытный контрразведчик, бывший начальник петроградского охранного отделения бывший генерал-майор К. И. Глобачев⁵⁸. Подпольной деятельностью он занялся в на-

⁵⁴ Красный террор в Петрограде. М., 2011. С. 487.

⁵⁵ Так в документе. Правильно — в Петрограде.

⁵⁶ Чаплин Г. Е. Два переворота на Севере (1918 г.) // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1928. Т. 4. С. 14.

⁵⁷ Корнатовский Н. А. Разгром контрреволюционных заговоров в Петрограде в 1918–1919 гг. Л., 1972. С. 17–25.

⁵⁸ Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 173.

чале 1918 г. по просьбе бывшего генерал-майора В. П. Никольского. По свидетельству последнего, «Глобачев стал приносить громадную пользу в деле борьбы с большевиками; он организовал прекрасную разведку даже у Урицкого непосредственно: некоторые добытые им сведения представлены генералу Мих[аилу] Вас[ильевичу] Алексееву»⁵⁹. Сам Глобачев вспоминал: «На первых порах своего создания Чека как розыскные органы были весьма неудовлетворительны, так как, с одной стороны, личный состав их был случайный, из малонадежного элемента, без специальных знаний и опыта, а с другой стороны, техника работы весьма хромала. Вся работа держалась на системе подкупов из противного лагеря, предательстве и самой грубой провокации. И все-таки, несмотря на все это, результаты работы Чека оправдывали их существование. Заговоры и попытки к восстаниям раскрывались один за другим и ликвидировались. Советское правительство тратило на эту борьбу деньги, не считая. Оно отлично понимало, что там, где вопрос касается сохранения своей власти и борьбы с внутренним врагом, деньги являются могущественным средством.

Я в это время работал по информации в одной из тайных организаций и имел свою агентуру в некоторых учреждениях советской власти, в том числе и в Петроградской Чека, и знаю, что многие тайные организации, особенно офицерские, были ликвидированы путем внедрения в них советских агентов, в свое время уважаемых кадровых офицеров, соблазненных крупным денежным подкупом. Но наряду с этими предателями во многие учреждения проникали в качестве служащих агенты Белого движения, приносившие колоссальную пользу контрреволюционным организациям, и власть от них очистилась значительно позже, когда системой массового террора была почти совсем парализована контрреволюционная работа. Но все-таки, даже в самые тяжелые моменты этого террора, в разгар Гражданской войны, связь белого фронта с подпольными контрреволюционными организациями в тылу большевиков существовала»⁶⁰.

Глобачев отмечал, что в среде офицерства оказалось много провокаторов, работавших и на подполье, и на ЧК в зависимости от текущей конъюнктуры. Агентура Глобачева работала на «Правый центр», сам генерал также поставлял информацию англи-

⁵⁹ Там же. С. 438–439.

⁶⁰ Там же. С. 173.

чанам, взаимодействуя со знаменитым британским разведчиком С. Рейли. По версии Никольского, из-за противодействия германской контрразведки Глобачев был вынужден уехать из Петрограда в Киев.

О масштабах подпольной деятельности петроградского офицерства свидетельствует и такой факт — только в июле 1918 г. чекисты раскрыли офицерские организации в Михайловском артиллерийском училище и в 1-й авиационной группе⁶¹. Не стояя в стороне от антибольшевистской деятельности и штаб Северного участка и Петроградского района, в котором, как уже отмечалось, весной 1918 г. возникла своя подпольная организация, взаимодействовавшая с представителями союзников, а также с разведывательной организацией В. Г. Орлова. И хотя различные участники событий упоминают разные имена руководителей подполья, во всех приведенных выше свидетельствах фигурировал Поляков.

О структуре и взаимодействии различных подпольных групп Петрограда говорить преждевременно в связи с отсутствием необходимых документов. Очевидно, что настоящей координации действий не было. Например, крупные беспорядки в Минной дивизии Балтийского флота в мае–июне 1918 г., которые едва не привели к падению Советской власти в Петрограде⁶², не были поддержаны подпольщиками в сухопутных штабах и частях. В целом результаты работы петроградского антибольшевистского подполья в первой половине 1918 г., несмотря на ее размах, оказались незначительными. Не дало какого-либо ощутимого результата и вовлечение в подпольную работу ряда ответственных работников штаба Северного участка и Петроградского района.

Однако не следует переоценивать и возможности чекистов того времени. Их неудачи наглядно прослеживаются в том, что руководители подполья не были выявлены и ликвидированы — многим удалось скрыться или освободиться из-под ареста неразоблаченными. Осенью 1918 г., в связи с провозглашением «красного террора» репрессивные меры ужесточились и расширились, в ре-

⁶¹ Там же. С. 25.

⁶² Подробнее см.: Ганин А. В. Новые документы об арестах петроградских военспецов осенью 1918 г. // Клио (Санкт-Петербург). 2012. № 10. С. 27–36; Шмелев А. В. «Мятеж» Минной дивизии в июне 1918 года // Труды III международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 года. Сб. статей и материалов. СПб., 2013. С. 169–200.

зультате чего под удар попадали как невиновные, так и участники нелегальной работы, однако принципиально ситуация с выявлением подпольщиков не изменилась.

В РККА Поляков, по данным на начало апреля 1918 г., курировал вопросы разработки штатов и законоположений для новой армии⁶³. Из-за подпольной работы весной 1918 г. он не стал эвакуироваться из Петрограда в Екатеринбург вместе с Военной академией. Как вспоминал генерал-майор П. Ф. Рябиков, «не выехали полковники Поляков и Дюсиметьер, т. к., как говорили, они оба работали в антисоветской организации, связывавшей их свободой действий»⁶⁴. Однако на свободе Поляков пробыл недолго, поскольку уже 22 июня 1918 г. попал под арест, оказавшись в Дерябинской тюрьме Петрограда.

По утверждению другого белого подпольщика, Н. Д. Нелидова, искажающего, однако, последовательность событий, Поляков скрывался, поскольку у него на квартире находилась засада (видимо, из соображений конспирации Нелидов указывает фамилию — Полянов⁶⁵).

Как впоследствии писал Поляков генералу Б. В. Геруа, «я помню, что за два дня до моего ареста, т. е. 20-го июня 1918 года, я имел свидание с Ивановым⁶⁶ в Адмиралтейском саду, где он склонял меня присоединиться к его организации, уверяя, что организация эсеров с Верховским⁶⁷ и Суворовым⁶⁸ во главе к нему уже присоединилась, а равно и командир Семеновского полка полковник Бржозовский⁶⁹. В результате я был арестован 22-го, Верховский — 24-го, а Бржозовский спасся бегством, затем вскоре был арестован и Суворов. При свидании моем с Верховским в тюрьме выяснилось, что он приглашал его соединиться с ним от моего имени. Чего не было и что походит уже на провокацию.

⁶³ РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1991. Л. 111 об.

⁶⁴ Цит. по: Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии. С. 748.

⁶⁵ Нелидов Н. Д. Заговоры в Петрограде. С. 211.

⁶⁶ Николай Никитич Иванов — присяжный поверенный.

⁶⁷ Александр Иванович Верховский (27.11.1886–19.08.1938) — бывший генерал-майор. Арестован Ф. Э. Дзержинским (01.1918). Вновь арестован ЧК и находился в заключении в Петрограде в тюрьме «Кресты» (26.06–11.1918). Мобилизован в РККА (с 12.1918).

⁶⁸ Михаил Николаевич Суворов (15.08.1877–01.02.1948) — бывший генерал-майор.

⁶⁹ Раймунд-Фома Владиславович Бржозовский (1885–18.09.1939) — полковник гвардии. Командир гвардии Семеновского резервного полка (1917–1918).

В Петербурге⁷⁰ при свидании Иванов уверял меня, что их организация субсидируется немцами и притом очень щедро»⁷¹. Речь шла о присяжном поверенном Н. Н. Иванове, который позднее оказался у белых на Северо-Западе и даже вошел в состав Северо-Западного правительства в качестве министра общественных работ⁷².

Кроме того, Поляков упоминал своего однокашника по академическому выпуску 1911 г., бывшего военного министра Временного правительства генерал-майора А. И. Верховского. По имеющимся у нас данным, он был арестован не 24-го, а 26 июня и содержался в тюрьме «Кресты» до ноября 1918 г.

Упоминался и видный деятель петроградского отделения «Национального центра» бывший генерал-майор М. Н. Суворов⁷³. По имеющимся данным, его арестовали в августе-сентябре 1918 г. и держали в заложниках. Под арестом он находился до февраля 1919 г., после чего числился на учете в РККА как больной, причем из больницы выбыл неизвестно куда⁷⁴, а по факту весной 1919 г. перешел на сторону белых и затем служил у них в Северо-Западной армии.

Командир Семеновского резервного полка, бывший полковник Р.-Ф. В. Бржозовский, по имеющимся сведениям, осенью 1918 г. уехал в Литву, где находилось его имение⁷⁵.

Поляков пробыл под арестом без предъявления обвинения с 22 июня 1918 г. до 1 февраля 1919 г.⁷⁶ И, судя по всему, разоблачен он не был.

ВОЖДЬ ПАРТИИ ЗАЩИЩАЕТ КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРА

Одним из главных защитников «бывших» в Советской России являлся председатель Реввоенсовета Республики (РВСР)

⁷⁰ Правильно — в Петрограде.

⁷¹ НИА. В. V. Geua collection. Box 4. Folder 10.

⁷² Подробнее см.: *Смолин А. В.* Белое движение на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 1999. С. 118–127.

⁷³ *Пилкин В. К.* В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 414.

⁷⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 39.

⁷⁵ *Поляков С. А.* Офицеры Лейб-гвардии Семеновского полка в российских социально-политических условиях 1917 — сентября 1918 г. Дисс. ... к.и.н. Орел, 2015. С. 181.

⁷⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 119.

Л. Д. Троцкий, создававший Красную армию с опорой на опыт и знания военспецов. Как прагматик, Троцкий понимал, что без квалифицированных командиров армию не построишь. Особенно дефицитны были офицеры Генерального штаба. Критическая ситуация в этом отношении сложилась в конце 1918 г. Красная армия росла, но квалифицированных командно-штабных кадров не хватало. В то же время ряд генштабистов томился за решеткой.

Рассматривая вопрос об арестах генштабистов, нельзя не обратить внимание на острейший дефицит высококвалифицированных командных кадров в Красной армии, существовавший в Гражданскую войну. В силу этого каждый необоснованный арест отрывал от работы ценного специалиста. Другое дело, если речь шла о саботажнике и враге. Однако разобраться, кто есть кто, у сотрудников ВЧК часто не было ни времени, ни возможности, ни квалификации.

В ноябре 1918 г. предписания выехать на Южный фронт были направлены семерым арестованным в Петрограде генштабистам (В. Г. Зиверту, А. Г. Кузьмину, В. С. Михееву, Б. П. Полякову, Л. И. Савченко-Маценко, В. В. Салову, Д. Г. Фокке)⁷⁷. Разумеется, отправиться по назначению, находясь в тюрьме, они не могли.

Сами арестованные и их товарищи, такие же генштабисты, пытались давить на партийных деятелей в целях освобождения из мест лишения свободы. Иногда это увенчивалось успехом. Именно так случилось с Поляковым.

Супруга Полякова писала начальнику Всероссийского главного штаба Н. И. Раттэлю 22 ноября 1918 г. (брат Раттэля был одноклассником Полякова по академии): «Муж шестой месяц [в] заключении, настоятельнейше прошу серьезного ходатайства [об] освобождении, нахожусь [с] семьей совершенно без средств»⁷⁸. Эта краткая телеграмма проливает свет на ужасающее материальное положение семей арестованных генштабистов, часто остававшихся безо всяких средств к существованию.

Товарищ Полякова по несчастью, бывший капитан В. В. Трофимов, также некоторое время проведенный под арестом, 5 января 1919 г. представил начальнику Полевого штаба РВСР Ф. В. Костяеву рапорт Полякова, написанный последним 23 декабря 1919 г. В своем сопроводительном рапорте Трофимов отметил,

⁷⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 97. Л. 39.

⁷⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 66.

что по личной просьбе Полякова считает необходимым добавить, что «вокруг его имени создалась масса легенд самого разнообразного характера, но взаимно противоположного, вроде, например, обвинений: “в немецкой ориентации”, в “союзнической ориентации”, в участии в монархических или эсеровских заговорах и т. п. Служба его вся проходила на виду в штабе Северного участка и Петроградского района, почему вряд ли могла быть так легко осуществляема какая бы то ни было конспиративная работа, в условиях названной обстановки, и он особенно ходатайствует о командировании представителя Р. В. С. Республики, который мог бы или лично его опросить или, по крайней мере, присутствовал бы при его допросе и тем самым смог бы установить всю неосновательность существующих против него даже не обвинений, а подозрений, ибо, по его мнению, кроме выдающейся прежней службы при старом правительстве — ничто не может служить материалом для его обвинения»⁷⁹. Трофимов либо не знал о причастности Полякова к подполью, либо скрыл это.

В другом докладе Трофимов отметил, что «правительство, формируя огромную армию для борьбы на четыре фронта, нуждается в опытных специалистах генштаба, каковыми оба названные лица и являются: Поляков — в деле организации вооруженной силы и тыла армии и дела снабжения, а Савченко-Маценко — по части широкой эксплуатации жел[езно]дорожных путей»⁸⁰.

Поляков, в свою очередь, писал Костяеву из шестой камеры Дворянской тюрьмы: «Доношу, что нахожусь [в] заключении седьмой месяц. 22-го июня арестован, 23-го июня на допросе гр [ажданин] Урицкий⁸¹ сказал, что арестовывает “на всякий случай” и обвинения предъявить не может. 3 октября допрашивал следов [атель] Снетков, повторил то же и обещал выпустить; 29 октября был подписан ордер на освобождение (сам Снетков был за что-то арестован, и дело передали Дигентштедту⁸²). 25 ноя-

⁷⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 6. Л. 52–52 об. Документ опубликован в: Ганин А. В. Новые документы об арестах петроградских военспецов осенью 1918 г. // Клио. 2012. № 10. С. 32.

⁸⁰ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 6. Л. 57 об. Документ опубликован в: Ганин А. В. Новые документы об арестах. С. 33–35.

⁸¹ Моисей Соломонович Урицкий (02.01.1873–30.08.1918) — председатель Петроградской ЧК.

⁸² Николай Николаевич Дингельштедт (1893–01.11.1937) — бывший прапорщик, следователь Петроградской ЧК (1918–1919).

бря допрашивал Дигентштедт, из показаний ни слова не записал и протокола не составлял, сказал, что внесет дело на рассмотрение президиума.

17 декабря допрашивал Николаев, сказал, что обвинения нет, на днях выпустят. При обыске ничего не нашли. За две недели до смерти гр[ажданин] Урицкий обещал жене меня выпустить и вернул отобранные деньги. Причины ареста для меня непонятны до сего времени. Ни в какой контрреволюции не замешан, к партиям и организациям не принадлежу. Самое противоречие в отношении ко мне следователей указывают на отсутствие оснований для обвинения. Дело свое видел, оно ничего не содержит. Объясняю арест и дальнейшее задержание грязным доносом и междуведомственными трениями.

Прошу либо потребовать немедленного освобождения и притом настоятельно, либо прислать делегата для допроса меня председательницей комиссии при мне и для разбора дела. Никакие мои заявления по назначению не доходят»⁸³.

Кроме того, в декабре 1918 г. петроградский окружной военный комиссариат просил ускорить рассмотрение дел арестованных генштабистов, которые требовались для новых формирований⁸⁴.

Параллельно вопрос обсуждался в Москве. Об освобождении двух арестованных генштабистов ходатайствовал главком И. И. Вацетис. Об арестованных зашла речь и на заседании Реввоенсовета Республики 2 декабря 1918 г.⁸⁵ в присутствии Л. Д. Троцкого, И. И. Вацетиса, С. И. Аралова, К. Х. Данишевского и Ф. В. Костяева. Для заседания был подготовлен список военспецов, находящихся в заключении. Впрочем, в итоговый протокол этот вопрос не вошел, а вошла только телеграмма Совету обороны о дефиците командных кадров⁸⁶. Вполне возможно, что вопрос об арестованных передавался в Совет обороны Л. Д. Троцким лично.

На следующий день материалы дела Полякова и Савченко-Маценко рассматривались комиссией Совета обороны, которая предложила ускорить разбирательство. Л. Д. Троцкий телеграфировал 26 декабря 1918 г. В. И. Ленину и своему заместителю Э. М. Склянскому: «Главком ходатайствует об освобождении

⁸³ РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 6. Л. 54-54об. Документ опубликован в: Ганин А. В. Новые документы об арестах. С. 32.

⁸⁴ РГВА. Ф. 24 380. Оп. 7. Д. 58. Л. 24.

⁸⁵ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 96.

⁸⁶ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг. М., 1997. С. 127–128.

Генштаба Савченко-Маценко и Полякова, содержащихся в тюрьме в петроградской Чрез[вычайной] ком[иссии], причем Савченко-Маценко будто бы при смерти от истощения и переведен в 109[-й] полевой запасной госпиталь. Ходатайство о срочном выяснении оснований для заключения названных лиц и в случае недостаточных оснований об их освобождении»⁸⁷. Эта телеграмма возымела действие.

Ленин 29 декабря 1918 г. направил телеграмму председателю Петроградской ЧК с копией председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому: «В течение нескольких месяцев сидят арестованные Вами генштабисты Савченко-Маценко и Поляков. Главком ходатайствует об их освобождении. Телеграфно сообщите: какие обвинения предъявлены этим лицам, а если обвинение не предъявлено, почему они не освобождены. Не медлите с точным и ясным сообщением»⁸⁸.

Большевистский лидер, несомненно, не знал, что его подзащитный являлся активным участником антибольшевистского подполья в Петрограде. Иначе бы никогда не заступился за контрреволюционера. Объясняется это очевидной слабостью чекистского аппарата, который не вскрыл антибольшевистскую подпольную организацию.

2 января 1919 г. заведующий военным отделом ВЧК М. С. Кедров направил в Петроградскую ЧК телеграмму о немедленном освобождении арестованных при отсутствии серьезного обвинения и направлении их в распоряжение РВС республики.

По всей видимости, в связи с начавшимся разбирательством Полякова не позднее 11 января перевели в Москву⁸⁹, а 16 января он попал в Бутырскую тюрьму, где числился за тогда еще военным отделом ВЧК (позднее — Особый отдел ВЧК) и сидел в одной камере с арестованными 13 января 1919 г. генштабистами, бывшими генералами М. М. Загю и С. М. Языковым⁹⁰.

Члену РВСР С. И. Аралову через заместителя Кедрова А. В. Эйдука 1 февраля 1919 г. было направлено короткое сообщение всех троих арестованных генштабистов (Загю, Язы-

⁸⁷ НИА. Trotsky collection. Box 1. Folder 33.

⁸⁸ В. И. Ленин и ВЧК. (1917–1922 гг.): сб. док. М., 1975. С. 136.

⁸⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 81.

⁹⁰ Подробнее об их деле см.: Ганин А. В. Хлопоты наркомвоенмора Л. Д. Троцкого об освобождении бывших генералов М. М. Загю и С. М. Языкова. 1919 г. // Вестник архивиста. 2012. № 4 (120). С. 217–230; 2013. № 1. С. 247–258.

кова и Полякова)⁹¹. Документ написан не позднее 20 января (день освобождения Загю и Языкова) и имеет регистрационный штамп ВЧК с датой 21 января. Сообщение адресовалось главкому И. И. Вацетису, начальнику Полевого штаба РВСР Ф. В. Костяеву, члену РВСР С. И. Аралову и председателю Реввоен трибунала Республики К. Х. Данишевскому. Арестованные сообщали о своем местонахождении: «Генштаба Загю, Языков, Поляков, докладываем, 16 января переведены [в] Бутырскую тюрьму, 19 коридор, 78 камера. Зачислены первые два за президиумом ВЧК, последний — [за] военным отделом ВЧК»⁹².

Как бы то ни было, к этому времени судьба всех авторов записки уже решилась. А. В. Эйдук 31 января 1919 г. телеграфировал члену РВСР С. И. Аралову в Серпухов: «Дело Генштаба Бориса Полякова передано на рассмотрение президиума [ВЧК] с моим заключением об освобождении без права занять ответственную должность»⁹³. Упомянувшегося ранее Савченко-Маценко освободили в январе, а Полякова — 1 февраля. Отметим, что после запроса Ленина от 10 января 1919 г. вышел на свободу и другой петроградский подпольщик — упоминавшийся выше бывший генерал М. Н. Суворов⁹⁴. Загю и Языков вышли на свободу 20 января. Языков летом 1919 г. бежал к белым, а Загю добросовестно прослужил в Красной и Советской армии до выхода в отставку в 1947 г.

В учетных документах оперативного управления Всероссийского главного штаба на конец ноября 1918 г. отмечалось, что Поляков прикомандирован к штабу Северного фронта и арестован⁹⁵. Видимо, речь шла о том штабе, за которым военспец числился в период тюремного заключения.

В БЕЛОМ ЛАГЕРЕ

Отсидев восемь месяцев в тюрьме без предъявления обвинения⁹⁶, Поляков в 1919 г. вернулся на службу. Сам он писал генералу Б. В. Геруа 4 декабря 1919 г. из Ревеля, что «из тюрьмы выбрал-

⁹¹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 126.

⁹² Там же. Л. 128.

⁹³ Там же. Л. 121.

⁹⁴ В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 265.

⁹⁵ Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 554.

⁹⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 119.

ся исключительно благодаря хлопотам офицеров Генерального штаба, так или иначе близких к нашей организации»⁹⁷. В феврале 1919 г. обсуждался вопрос о вещах Полякова, оставшихся в Петрограде. Отмечалось, что при аресте у него изъяли 7 000 руб.⁹⁸

Как уже отмечалось, освобождение Полякова предполагалось без права занятия ответственных должностей⁹⁹. Тем не менее, в феврале 1919 г. военспец получил назначение заведующим обучающимися слушателями академии Генштаба РККА¹⁰⁰. Скорее всего, эту должность Поляков так и не занял. В конце марта 1919 г. Поляков не получил трехмесячного отпуска, который, видимо, испрашивал¹⁰¹, а, по данным на 5 июня 1919 г., выбыл неизвестно куда.

Однако вскоре следы военспеца отыскивались в антибольшевистских формированиях Северо-Запада России, куда Поляков бежал весной 1919 г. через Псковское озеро¹⁰². Так он в мае 1919 г. оказался на службе в Отдельном корпусе Северной армии, а позднее в Северо-Западной армии. Появление Полякова совпало с активизацией белых на этом фронте. У белых Поляков занял пост начальника отдела снабжений (позднее — управление). На этой должности он оставался до 9 августа 1919 г. О встречах с ним вспоминал граф Э. П. Беннигсен: «С начальником отдела снабжений полковником Генштаба Поляковым я познакомился в Ревеле впервые, произвел он на меня очень благоприятное впечатление, которое сохранилось и позднее несмотря на то, что, в общем, в армии создавалось к нему скорее враждебное отношение. Это был человек, несомненно, умный и энергичный. Стремление бороться со злоупотреблениями, которых было немало, у него, несомненно, было, но не всегда из его попыток что-либо выходило. Мне пришлось видеть у него, например, переписку по жалобе корпусного контролера на того же Пермикина¹⁰³ ... никаких последствий она не имела ... При таком отношении к делу высшего начальства задача Полякова очень затруднялась, и если принять во внимание, что

⁹⁷ НИА. В. V. Gerua collection. Box 4. Folder 10.

⁹⁸ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 173, 175.

⁹⁹ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 121.

¹⁰⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 67. Л. 4.

¹⁰¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 135.

¹⁰² НИА. В. V. Gerua collection. Box 4. Folder 10.

¹⁰³ Борис Сергеевич Пермикин (04.04.1890–11.03.1971) — полковник (позднее — генерал-майор), командир Талабского полка.

ему приходилось все время заботиться о снабжении корпуса, а затем и армии, при полном почти отсутствии денег, то не удивительно, что нарекания на его деятельность были и постоянны, и многочисленны. Поляков был один из немногих военных чинов армии, интересовавшихся общественными настроениями, с которыми он ближе познакомился в одной из московских тюрем, где судьба свела его с руководителями Белого движения в центре России. К сожалению, при всем своем интересе к общественным вопросам, именно он никакого отношения к вопросам гражданского устройства края не имел»¹⁰⁴. По свидетельству этого мемуариста, Поляков рассказывал о том, как довелось питаться хлебом в заключении — «что когда он сидел в тюрьме у большевиков, то ему давали только восьмушку его»¹⁰⁵. Беннигсен также отмечал, что в Ревеле Полякова сменил генерал-майор Г. Д. Янов, а должность стала именоваться — главный начальник снабжений¹⁰⁶. По документам известно, что Янов занял этот пост 21 августа, а после Полякова с 9 по 21 августа его занимал генерал-майор В. фон Зейдлиц¹⁰⁷.

У белых Поляков занимался различными вопросами обеспечения армии. Среди прочего руководил операцией по печатанию денежных знаков. Отсутствие денежных знаков стало серьезной проблемой для белых на Северо-Западе России. Командующий Северо-Западной армией генерал-лейтенант А. П. Родзянко вспоминал, что «полное отсутствие денег заставило многих командиров не стесняться в выборе средств для добывания пропитания, фуража и обмундирования для их отрядов»¹⁰⁸. В итоге в армии началось печатание собственных денежных знаков, на которых стояла и подпись Полякова¹⁰⁹.

Этому вопросу Поляков посвятил специальную статью «Поправка к “Воспоминаниям” И. В. Гессена», опубликованную в парижской эмигрантской газете «Последние новости» в 1937 г. Как считал Поляков, Гессен в ранее опубликованных в той же газете воспоминаниях привел неточные сведения. В этой связи Поляков отмечал:

¹⁰⁴ Беннигсен Э. П. Записки (1917–1955). М., 2018. С. 178–179.

¹⁰⁵ Там же. С. 214.

¹⁰⁶ Там же. С. 210.

¹⁰⁷ Розенталь Р. Северо-Западная армия: хроника побед и поражений. Таллин, 2012. С. 653.

¹⁰⁸ Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-Западной армии. М., 2000. С. 107.

¹⁰⁹ Подробнее см.: Николаев Р. Деньги белой гвардии. СПб., 1993.

«Я считаю необходимым и полезным внести, в том, что касается Северо-Западной армии, некоторые фактические поправки в его воспоминания и тем приблизить их к исторической правде.

И. В. Гессен пишет: “На северо-западном фронте вопрос о выпуске денежных знаков был разрешен еще до образования политического совещания одним из генералов — Родзянкой, который выпустил “армейских денег” на 30 миллионов рублей без указания, чем “родзянки” обеспечены”.

На разменных знаках, временно выпущенных отдельным корпусом Северной армии (впоследствии — Северо-Западной армии) значатся две подписи, а именно: командира корпуса генерала Родзянко и моя в качестве начальника снабжений корпуса и организатора выпуска этих знаков. Поэтому я полагаю, что мои разъяснения, покоящиеся на близком знании дела, могут иметь значение и внести ясность.

Разменные знаки отдельного корпуса Северной армии в качестве временной меры были выпущены в конце июля 1919 года на сумму около 23 миллионов рублей.

Окончательное решение вопроса о[б] их выпуске было принято после одобрения моего доклада на совещании под председательством генерала Юденича и в присутствии С. Г. Лианозова¹¹⁰ и некоторых других членов политического совещания.

На временных разменных знаках отдельного корпуса Северной армии было напечатано: “Выпущенные разменные знаки обеспечены в полной сумме кредитными билетами, хранящимися в главном казначействе отдельного корпуса Северной армии. Разменные знаки подлежат свободному обмену в казначействах по предъявлении”.

В обеспечение эмиссии и правильного обмена разменных знаков на эстонские марки в распоряжении главного казначейства корпуса имелось около 35 000 фунтов стерлингов, получивших назначения золотого запаса.

Этот золотой запас образовался в результате успешных коммерческих оборотов торгового отдела, сформированного мною при управлении снабжений отдельного корпуса Северной армии.

Принимая во внимание, что разменный знак корпуса стоял *al pari*¹¹¹ с эстонской маркой и что последние котировались по курсу

¹¹⁰ Степан Георгиевич Лианозов (09.08.1872–10.08.1949) — российский промышленник и политический деятель, глава Северо-Западного правительства (1919).

¹¹¹ Наравне (*итал.*).

в 340 марок за 1 фунт стерлингов, — можно видеть, что эмиссия и обмен разменных знаков был на 52,2 процента обеспечен золотом.

Сверх золота обеспечением служил торговый оборот торгового отдела, активный баланс которого достиг на 1 октября 1919 года суммы около 122 миллионов рублей.

С появлением на сцену денежных знаков Северо-Западного фронта, подписанных генералом Юденичем и С. Г. Лианозовым, был начат частью обмен временных разменных знаков отдельного корпуса Северной армии на денежные знаки Северо-Западного фронта (на сумму около 12 миллионов рублей), частью выкуп их на эстонские марки на сумму около 10 миллионов рублей. Остальные временные разменные знаки на сумму около 1 миллиона рублей частью остались в казначействе, частью были задержаны населением и войсками.

Насколько полон был обмен, можно судить по тому факту, что в 1924–25 гг., согласно каталогов, разменные знаки отдельного корпуса Северной армии расценивались коллекционерами чуть ли не в 60 франков за знак рублевого достоинства.

Ни отдельный корпус Северной армии, ни впоследствии Северо-Западная армия к печатанию поддельных керенок не прибегали и в намерения, по этому поводу, политического совещания посвящены не были.

Попытка прибегнуть к этому методу финансирования военных действий была сделана в окружении генерала Булак-Балаховича¹¹², пользовавшегося почти полной автономией, но была в корне пресечена командованием Северо-Западной армии»¹¹³.

Завершал свою статью Поляков предложением Гессену предоставить в его распоряжение соответствующие документы. По оценке А. В. Смолина, утверждение Полякова о выпуске знаков на 23 миллиона рублей под обеспечение 35 000 фунтов стерлингов не подтверждается другими источниками¹¹⁴. Есть свидетельства о том, что масштаб выпуска даже превышал 30 миллио-

¹¹² Станислав Никодимович Булак-Балахович (10.02.1883–10.05.1940) — генерал-майор, участник Белого движения на Северо-Западе России.

¹¹³ Поляков Б. Поправка к «Воспоминаниям» И. В. Гессена // Последние новости (Париж). 1937. № 5988. 17.08. С. 5.

¹¹⁴ Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. С. 206.

нов рублей¹¹⁵, но в то время острили, что выпускались эти деньги исключительно «под генеральские погоны»¹¹⁶.

Уже в разгар событий Поляков критически оценивал состояние белых формирований. В одном из своих докладов он отметил, что на 14–15 000 штыков белые имели десять штабов (шесть дивизионных штабов, два корпусных штаба, штаб армии, штаб главнокомандующего) с массой дублирующих подразделений, а командование ни с чем не справлялось¹¹⁷. При этом сам офицер не избежал вовлечения в борьбу группировок в белом тылу. В частности, он поддерживал идею организации запасов снаряжения на 15 000 человек для создания шюцкора и отстранения генерала Н. Н. Юденича¹¹⁸. Однако из этого предприятия ничего не вышло.

О возможных мотивах участия Полякова в интриге против Юденича свидетельствовал соратник последнего генерал-лейтенант П. А. Томилов в своем неопубликованном труде, составленном по документам архива Северо-Западного фронта белых: «Полковник Поляков, служивший в это время в правительстве по вопросам снабжения, видимо, не мог простить главнокомандующему своего увольнения с должности начальника снабжения и предлагает: “Юденича сохранить военным министром, а начальником армии назначить кого-нибудь из генералов по совету с Лайдонером¹¹⁹”»¹²⁰. Сам Поляков отмечал, что осенью 1919 г. с должности начальника управления по делам торговли, финансов и снабжения получил назначение инспектором авиации в Нарве.

По-видимому, с эстонским главнокомандующим генералом Й. Лайдонером Поляков был знаком еще в период обучения в академии, которую Лайдонер окончил годом позже Полякова. Как бы то ни было, о Лайдонере Поляков в своем письме генералу Геруа отзывался восторженно.

¹¹⁵ Николаев Р. Деньги белой гвардии. СПб., 1993. С. 32.

¹¹⁶ Горн В. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин, 1923. С. 71.

¹¹⁷ Маргулис М. С. Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 2 (апрель — сентябрь 1919 г.). С. 273. Также см.: Горн В. Указ. соч. С. 71.

¹¹⁸ Маргулис М. С. Указ. соч. Кн. 2. С. 254.

¹¹⁹ Иван (Йохан) Яковлевич Лайдонер (12.02.1884–13.03.1953) — генерал-майор, главнокомандующий эстонской армией.

¹²⁰ НИА. Р. А. Tomiloff collection. Вох 1. Томилов П. А. Северо-Западный фронт Гражданской войны в России 1919 года. Л. 255.

В том же письме Поляков изложил свои общественно-политические взгляды. Разумеется, он являлся ярким противником большевиков. При этом Поляков понимал специфику Гражданской войны и необходимость ведения белыми определенной политической игры с новыми независимыми государствами. В силу этого в декабре 1919 г. он считал необходимым предоставление белыми независимости Эстонии, не дожидаясь решений Учредительного собрания, чтобы создать базу для наступления на Петроград¹²¹. В дальнейшем, видимо, Эстонию предполагалось вновь включить в состав России. Поляков критически рассуждал и о причинах неудачи белых, о чем он знал, отвечая за вопросы снабжения, не понаслышке. «Я выбивался из сил, добывая средства: учредил таможи, взимал пошлины, организовывал скупку льна и продажу его ... вывозил другое сырье и этим добывал валюту, пускал в ход винокуренные заводы, продавал дрова, лес, спички, осину. Торговал товарами; одним словом, изворачивался как жид и сумел дать армии к 1 сентября чистой прибыли около 13 000 000 рублей. На доходы от работы моего управления были отстроены мосты и восстановлено железнодорожное сообщение, содержалась администрация и отчасти кормилась и снабжалась армия. Было бесконечно трудно»¹²². Неудачи белых Поляков приписывал отсутствию патронов и трениям в командном составе.

Эмигрантский период жизни Полякова малоизвестен. Борис Петрович проживал в Польше и в Германии (Берлин¹²³). Осенью 1920 г. прибывший из Латвии Поляков был назначен начальником штаба Русского отряда (позднее — 3-й Русской армии) на советско-польском фронте¹²⁴. А в октябре В. Г. Орлов, знакомый Полякову, видимо, по подпольной работе в 1918 г., договорился с ним о передаче белым в Севастополь разведывательных данных из Польши¹²⁵. Через год, осенью 1921 г., Полякова привлекли к разведывательной работе в Германии, однако его предложения по организации такой работы и значительная смета вызвали критические замечания со стороны начальника русской делегации

¹²¹ НИА. В. V. Gerua collection. Box 4. Folder 10.

¹²² Ibidem.

¹²³ Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба. С. 733.

¹²⁴ Симонова Т. М. Советская Россия (СССР) и Польша: Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М., 2013. С. 83.

¹²⁵ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов : док. и мат. М., 1998. Т. 1 : Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 1. Исход. С. 188.

по делам военнопленных и беженцев в Германии генерал-лейтенанта И. А. Хольмсена — опытного военного разведчика¹²⁶.

На октябрь 1921 г. Поляков состоял членом общества взаимопомощи офицеров бывших российских армии и флота в Германии. В том же году участвовал в Рейхенгалльском монархическом съезде¹²⁷, входил в постоянный Совет Монархического объединения¹²⁸. По данным на 1923–1924 гг. находился в Югославии, а позднее перебрался во Францию. Состоял в обществе русских офицеров Генерального штаба. Умер Поляков 8 марта 1956 г. и похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа под Парижем¹²⁹.

* * *

Биография Б. П. Полякова показывает пример идейного выбора представителя гвардейского офицерства и генштабиста. Как правило, выходцы из гвардии являлись приверженцами антибольшевистских и монархических взглядов. Поступив, как и некоторые его товарищи по академии, на штабную службу в Красную армию, Поляков активно участвовал в подпольной антибольшевистской работе в Петрограде весной 1918 г. В июне того же года он попал под арест. Расстрелян не был, но длительное время провел в тюремном заключении без предъявления обвинения. То, что его не разоблачили, свидетельствует о слабости органов ЧК в 1918 г.

В конце 1918 г. в связи с развертыванием Красной армии и эскалацией Гражданской войны обострилась потребность в генштабистах. Поскольку некоторые представители этой дефицитной специальности находились под арестом без какого-либо обвинения, началось разбирательство, инициированное военспецами и поддержанное связанными с ними и с военной работой комиссарами. Кульминацией этого разбирательства стало личное вмешательство в это дело председателя РВСР А. Д. Троцкого и главы советского правительства, лидера большевистской партии В. И. Ленина с требованием ускорить расследование. Это привело к освобождению белого подпольщика и к продолжению его службы

¹²⁶ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: док. и мат. М., 1998. Т. 1 : Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2. На чужбине. С. 412–421, 447.

¹²⁷ Там же. С. 460.

¹²⁸ Там же. С. 465.

¹²⁹ Грезин И. И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. М., 2009. С. 384.

в Красной армии, хотя и с запретом занятия ответственных должностей. Закономерным итогом стало последующее бегство Полякова к белым.

Возможно, опытные офицеры, вроде Полякова, знакомые с реальным положением дел в Советской России и Красной армии, могли помочь белым реализовать свои планы или устранить недочеты, однако в случае с этим офицером, как и во многих других аналогичных ситуациях, их знания оказались не востребованы. Поляков пытался активно участвовать в антибольшевистской борьбе и в дальнейшем, однако, несомненно, кульминация этой страницы его биографии пришлось на 1918–1919 гг.

Как бы то ни было, деятельность Полякова в годы Гражданской войны в России наглядно свидетельствует о том, что даже второстепенный офицер Генерального штаба мог играть вполне самостоятельную роль в целом ряде исторических событий и оказать влияние на их ход.

ПИСЬМО ПОЛКОВНИКА Б. П. ПОЛЯКОВА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ Б. В. ГЕРУА от 4 декабря 1919 г.¹³⁰

Глубокоуважаемый Борис Владимирович.

Давно собирался написать Вам, но как-то не было подходящей okazji, а, с другой стороны, все теплилась надежда на скорое восстановление, если не порядка, то хоть относительной упорядоченности жизни и вместе с ней почтовых и иных средств сообщения. Сейчас все это, по-видимому, откладывается в долгий ящик, — правда, что я целиком нахожусь под впечатлением неудачного похода Юденича на Петроград.

Попал я в Эстонию 1-го мая после восьмимесячного тюремного стажа; из тюрьмы выбрался исключительно благодаря хлопотам офицеров Генерального штаба, так или иначе близких к нашей организации. Перебираясь через Псковское озеро к белым, я думал, что попаду на территорию одной из губерний России, но, увы, попал в чужое государство с мелкими мещанско-шовинистическими настроениями и узколобым национальным самомнением, да еще в медовый месяц фактической самостоятельности.

Представьте себе мое настроение русского человека с несколько сантиментально построенным мировоззрением, воображающим, что кроме мысли о «единой и неделимой» ничего другого быть не может. Что такое Эстония? Страна, занимающая площадь Эстляндской губернии с населением в 1 500 000 человек и с армией около 100 000, с резким антагонизмом между немецко-помещичьим классом и всем остальным народом.

Страна, могущая с трудом прокормить себя хлебом, богатая картофелем, имеющая предметами вывоза в настоящем картофель, отчасти спирт, лен и бумагу, нуждающаяся решительно во всем остальном, возлагающая в будущем все надежды на транзит и портовые сооружения г. Ревеля и Балтийского порта.

Нужно отдать справедливость, что народ трудолюбив, относительно культурен и в массе не слишком склонен к большевизму.

¹³⁰ Публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Явные ошибки исправлены без оговорок. В комментариях все даты, относящиеся к дореволюционной истории России, приведены по старому стилю.

Что касается армии, то, наблюдая ее в течение полугода, я должен отдать ей полную дань справедливости: Командование, возглавляемое главнокомандующим Лайдонером, головой выше нашего, это группа спянных между собой молодых (выпуска 1911–13 годов) офицеров нашего же Генерального штаба, чрезвычайно дружно работающих и горою стоящих друг за друга (чего совсем нет у нас), полное отсутствие интриг и взаимного подсиживания.

Сама армия состоит: из трех пехотных дивизий, хорошо снабженных, относительно дисциплинированных, спянных, но политически рассуждающих; из двух кавалерийских четырехэскадронного состава полков с [о] сравнительно приличным конским составом; дивизии самодельных броневых поездов, кстати, прекрасно работающих и флота в виде русских миноносцев типа «Новика», переданных друзьями-англичанами эстонцам. Оба эти Новика находятся под командой некоего адмирала Питки¹³¹ из коммерческого флота, опытного моряка, ярого русофоба и пламенного ингерманландца.

Работает армия очень недурно, особенно, когда подогрето ее национальное чувство: так сравнительно инертная, когда дело идет о борьбе с большевиками, ведущая эту борьбу только ради мысли о завоевании этим путем независимости, она отлично дерется с немцами и накладывает им, несмотря на их численное превосходство. Будучи немногочисленной и растянутой вдоль длинной пограничной линии, армия отлично пользуется маневрами и своими броневыми поездами.

В смысле внутреннего спокойствия армия, конечно, пользуется особенным вниманием большевиков, которые успешно вызывают со стороны отдельных ее групп эксцессы по адресу наших офицеров и вообще командного состава.

Были и попытки беспорядков, но таковые беспощадно подавлялись.

Офицерский состав в большинстве из офицеров русской армии, перебивших форму на эстонскую, — остальное из «офицеров». Первые в подавляющем большинстве к нам расположены, чужды националистического шовинизма и в тайниках своей души, а иногда и открыто, лелеющие мечту о Невском и Тверской.

¹³¹ Йохан Юрьевич Питка (07.02.1872–26.09.1944) — контр-адмирал, командующий военно-морскими силами Эстонии.

Жены их уж окончательные, ничем не прикрытые русофилки, а, вернее, настоящие русские женщины. Остановлюсь немножко на генерале Лайдонере. Человек, несомненно, талантливый, энергичный, с большим тактом, несколько нервный, часто вспоминающий Кавказ и любящий его, в разговоре с нами называющий себя интернационалистом, плохо говорящий по-эстонски, хорошо по-русски, честолюбивый, но говорящий об оставлении, по успокоении, военной службы, весьма отрицательно относящийся к нашему военному командованию.

Лайдонер всегда и во всем, в мере возможности, приходит нам навстречу и в случае наших успехов, я думаю, он в этом отношении пошел бы полным ходом, при неудачах более сдержан, ибо бережет свое положение, т. к. страна устала от войны, жаждет покоя и не простила бы ему военных неудач.

В армии, особенно среди офицеров, он очень популярен и авторитетен; в правительстве — влиятелен. В отношении нас ровен, а для нашего генералитета служит жилетом, в который все по очереди плачут, кляузничая друг на друга. В общем, в будущем будет отличным командующим войсками Прибалтийского военного округа, если таковой будет.

Правительство эстонское на днях образовалось новое, до сего было по преимуществу социалистическое, сейчас — кадетско-мещанско-социалистическое иди коалиционное. Социалистов — около 20%, а было все 60%. Причина неудачи этих мировых благодетелей кроется в неудаче земельной реформы. Затеяли эту самую реформу, провели ее через Учредительное собрание и стали проводить в жизнь, но на этом осеклись, т. к. крестьяне даром получать землю, в большинстве своем, отказываются и просят, чтобы прежний владелец дал бы расписку в получении за землю денежек. После такого афронта г.г. социалисты стусевались. Но и среди этого сорта людей нашелся один, который мне совсем нравится, — это министр внутренних дел Геллат¹³², он, хоть и социал-демократ, но Бог не обидел его, и действует он разумно, — недавно он выборную милицию переделал в самую настоящую полицию и при этом не побоялся этого жупельного слова, а перед этим арестовал во время профессионального съезда 121 смутьяна и переотправил их через фронт к большевикам, причем по дороге

¹³² Александр Геллат (Хеллат) (20.08.1881–28.11.1943) — министр внутренних дел Эстонии.

26 из них заехали туда, откуда и вообще нет возврата. На этом кризис профессионального движения на время затих. Хороший человек!

Политика прежнего правительства была чисто националистическая — все враги; теперь смягчилась и стала немножко антантиста¹³³. Жаждают независимости, хотя в большинстве в нее не верят и, если покопаться, то по следующим соображениям. Политическую независимость при теперешних обстоятельствах получить немудрено — это всего лишь только росчерк пера, а вот экономическую — это мудрено. В самом деле, страна во всем нуждается, кроме картофеля и яблок, сидит как раз на подоконнике того окна, через которое дышит свежим воздухом громадина в 150 000 000 человеческих сил, а границу имеет открытую. Внутри страны большинство населения владеет русским языком, 20% исповедует православие, почти вся интеллигенция воспитана в русских учебных заведениях, на русской литературе и искусстве. Своего ничего нет, в том числе и истории, ибо история народа, 700 лет бывшего в услужении, не блещет яркими образами. Единственный в будущем солидный источник дохода — это транзитный и портовый сбор. Ну, а что, если Россия закроет сухопутную границу и открывает конкурирующий порт? Ведь тогда конец — доходов даже на жалованье министрам не хватит, не говоря уже о служащих, которыми набиты социалистически-широкие штаты бесчисленных министерских управлений.

Это обстоятельство большинством интеллигенции и правительства отлично сознается, прочая же масса этого не понимает и грезит о независимости, как о метерлинковской синей птице¹³⁴. Откровенно говоря, я бы эту самую «независимость» преподнес Эстонии с легким чувством, ибо потом самым легким экономическим нажимом сумел бы поставить ее на колени, благо 700-летние воспоминания и привычки изглаживаются нескоро. Между тем, этим актом в настоящее время мы обеспечили бы себе удобную, прочную и надежную базу для нашей армии, союзную помощь 100 000 армии, убежище для эмигрантов и сожительство в будущем, основанное на серьезном расчете, что без нас существовать невозможно, на этом бы и стерпелись, и слюбились. В данном случае, я на основании полугодового опыта определенно могу сделать

¹³³ То есть ориентирована на Антанту.

¹³⁴ Речь идет о пьесе М. Метерлинка «Синяя птица», написанной в 1908 г.

вывод, что дать Эстонии политическую независимость необходимо теперь же, не дожидаясь Учредительного собрания или заменяющего его органа, без этого мы Петрограда не увидим как своих ушей, т. к. двукратный опыт майского и октябрьского наступлений показал нам, что без дружелюбно настроенной базы наступать невозможно и что помощь эстонской армии нам необходима.

Теперь обращаюсь к нашим русским делам, как и до сих пор, постараюсь быть совершенно беспристрастным.

Излагать буду в хронологическом порядке. Прибыл я на фронт в самом начале мая месяца, когда Отдельный корпус Северной армии (ОКСА) собирался переходить в наступление.

В это время корпус целиком состоял на иждивении эстонского военного министерства и, нужно отдать справедливость, для него делалось все, что было возможно. Корпус насчитывал около 4000 человек, был полуодет, имел совершенно недостаточное снаряжение и вооружение, но был накормлен и оплачен жалованьем. Во главе корпуса стоял полковник Дзерожинский¹³⁵, безукоризненно честный человек, но мягкий и с кругозором не шире командира полка. Корпус состоял из двух бригад, — одной из них командовал Родзянко¹³⁶, другой — некто бесцветный настолько, что даже фамилию его забыл. Наконец, конницей корпуса командовал ротмистр Булак-Балахович, он же атаман, он же «батько». Родзянко — известный скакун из Англии, — племянник М. В. Родзянко¹³⁷, грубый, малоотесанный, в сущности без всякого военного образования, упрямый, любитель выпить, женатый на местной уроженке-немке, не говорящей и не понимающей по-русски, но любящий влиять на дела и давать советы.

Родзянко популярен в части корпуса и интригует против Дзерожинского. Политическая физиономия Родзянки неопределенна — с эстонцами откровенно груб, с ингерманландцами заносчив и в нынешних отношениях достаточно бесцеремонен и нетактичен. В Финляндии его фамилию равнодушно не могут слышать.

¹³⁵ Антон Федорович Дзерожинский (30.01.1867–?) — полковник (впоследствии — генерал-лейтенант), командир Северного корпуса.

¹³⁶ Александр Павлович Родзянко (13.08.1879–06.05.1970) — генерал-майор (позднее — генерал-лейтенант), на службе в Северном корпусе, начальник Южной группы корпуса, командир Северного корпуса.

¹³⁷ Михаил Владимирович Родзянко (09.02.1859–24.01.1924) — председатель Государственной Думы 3-го и 4-го созывов, председатель Временного комитета Государственной Думы (1917).

Булак-Балахович командует смешанным отрядом конницы и пехоты человек в 400, обожаем своим отрядом, беззаветно храбр, своеобразный рыцарь, но человек, легко поддающийся влияниям, не умеющий выбирать советчиков и приближенных, не слушающий Дзержинского и интригующий против Родзянки.

В середине мая корпус переходит в наступление от Нарвы в направлениях на Ямбург и Гдов, и в течение недели занимает оба эти города; к концу мая эстонцы переходят в наступление на Псковском фронте, занимают г. Псков, продвигаются несколько вперед и сменяются в г. Пскове войсками отряда Балаховича. На Ямбургском фронте ударная группа Родзянки быстро продвигается вперед, занимает Красную Горку и подходит почти к Гатчине. За это время происходит ряд следующих событий:

а) Попечением эстонского адмирала Питки в северных волостях Ямбургского и частью Петергофского уездов образуется «независимая Ингерманландия», покровительствуемая «независимой Эстонией». Туда прибывает группа ингерманландцев из Финляндии, начинается самоопределение, мобилизация населения и явное оплев[ыв]ание всего русского. Эстония одной рукой отрещивается, другой явно помогает этому, по мысли одного из дипломатов Эстонии, государству-буферу между Россией и Эстонией.

Комедия заканчивается инцидентом между Родзянкой и ингерманландским военачальником, разоружением ингерманландцев и эвакуацией их в Эстонию. И в Эстонии, и в Финляндии, особенно в последней, бурная травля против корпуса.

б) В Гдове, при помощи Балаховича, под прямым руководством некоего Николая Никитича Иванова устраивается самостоятельная Гдовская республика, возглавляемая Ивановым.

На особе этого Иванова я должен немного остановиться. Иванов автор «общественных» заводов В. Суворина, он же автор «Общественного» банка Н. Иванов и Ко. Он же конспиратор и член петербургской организации, в которую якобы входил А. Ф. Трепов¹³⁸, Юденич, великий князь Павел Александрович (кстати, все отказавшиеся от этого). Он же председатель Ревельского «общественного» совета, состоящего из 30–40 жалких интеллигентов, за которыми никаких народных масс не числится.

¹³⁸ Александр Федорович Трепов (18.09.1862–10.11.1928) — председатель Совета министров (1916).

Я помню, что за два дня до моего ареста, т. е. 20-го июня 1918 года, я имел свидание с Ивановым в Адмиралтейском саду, где он склонял меня присоединиться к его организации, уверяя что организация эсеров с Верховским и Суворовым во главе к нему уже присоединились, а равно и командир Семеновского полка полковник Бржозовский. В результате я был арестован 22-го, Верховский 24-го, а Бржозовский спасся бегством, затем вскоре был арестован и Суворов. При свидании моем с Верховским в тюрьме, выяснилось, что он приглашал его соединиться с ним от моего имени. Чего не было и что походит уже на провокацию.

В Петербурге при свидании Иванов уверял меня, что их организация субсидируется немцами и притом очень щедро. Все это, по прибытии в Ревель, узнав, что Иванов работает здесь, я рассказал ряду лиц, в том числе и Родзянке, но увы своевременных и решительных действий против Иванова я не добился. В Ревеле этот Иванов уже издавал свою газету «Новая Россия», — на средства никому неизвестные.

Этот демократический орган имел странную тенденцию все время натравливать «общественность» на военное командование. Так вот этот самый г. Иванов возглавил Гдовскую республику, управляемую учрежденным вроде Совета четырех, из коих три безгласных и один только гласный сам Иванов. Республика, не успев расцвести, зачахла под влиянием бригады Дзержинского, двинутой в гдовском направлении отчасти против большевиков, отчасти для отрезвления республики (к этому времени Родзянко сменил Дзержинского, об этом дальше).

Иванов бежал на этот раз в г. Псков, где укрепился Балахович и там вновь была основана Псковская республика, в которой образовался Общественный Совет опять-таки возглавляемый Ивановым и опирающийся на штыки Балаховича и эстонцев. Нужно отметить, что к этому времени Эстонское правительство, сильно левое, поддерживало Иванова, говорят, что даже его субсидировало.

Деятельность Иванова в Пскове удалось покончить как ультимативным требованием немедленно принять ряд моих условий, в том числе отстранение Иванова, или прекращением поставок продовольствия. Я в это время был начальником снабжения Северного корпуса. Ультиматум был принят, но, хотя Иванов и удался, смута в Пскове все же продолжалась еще до августа месяца.

2 корпус стал развертываться в армию сначала из трех, потом из четырех дивизий. Родзянко сменил добровольно ушедшего Дзе-

рожинского, принявшего бригаду и произведенного в генерал-майоры. Бригады переименованы в дивизии, завелись многочисленные штабы, начались фантастические формирования авто и бронечастей, расширение штатов, формирования убежищ для друзей Родзянки и т. п., и скачка без препятствий в кинопроизводстве строевых чинов и особенно приближенных. В это же время начался контр-нажим большевиков. Положение было тяжелое, армия достигла численности в 9–10 тысяч штыков, а артиллерии, патронов, снаряжения, обмундирования и денег не было. Люди были босы, жалование за два месяца не уплачено. Я выбивался из сил, добывая средства: учредил таможи, взимал пошлины, организовал закупку льна и продажу его Малькольму¹³⁹, вывозил другое сырье и этим добывал валюту, пускал в ход винокуренные заводы, продавал дрова, лес, спички, осину. Торговал товарами; одним словом, изворачивался, как жид и сумел дать армии к 1 сентября чистой прибыли около 13 000 000 рублей. На доходы от работы моего управления были отстроены мосты и восстановлено железнодорожное сообщение, содержалась администрация и отчасти кормилась и снабжалась армия. Было бесконечно трудно, — под конец, чтобы как-нибудь успокоить войска пришлось выпустить временные казначейские знаки в 1, 3, 5 и 10 рублей, обеспеченные валютой за лен. Однако отсутствие патронов и трения в командном составе повели к тому, что армия, постепенно отступая, потеряла Ямбург.

Нужно сказать, что главные виды снабжения, а именно хлеб, сало и вооружение доставлялись нам союзниками, причем американцы должны были доставлять продовольствие, а англичане вооружение и снабжение; французы же занимали созерцательное положение и только сочувствовали.

Однако, продовольствие от американцев мы получили только к середине июля месяца, а до этого питались частью при помощи эстонцев, а частью своим попечением. Что же касается вооружения и снабжения, то, хотя оно и должно было прибыть в начале июня, но фактически стало¹⁴⁰ прибывать только в самом конце июля, опоздав на 2 ½ месяца.

Естественно, что большевики стали теснить армию.

Незадолго до взятия Ямбура из Финляндии в Нарву приехал генерал Юденич со своим штабом, к этому же времени армия,

¹³⁹ Речь идет о фирме «Малькольм и К°», занимавшейся торговлей льном.

¹⁴⁰ В документе — стали.

оставаясь с тем же числом штыков, преобразовалась в два корпуса и имела следующую схему: 6 штабов дивизий, 2 штаба корпуса, 1 штаб армии и штаб фронта. Число ртов в армии стало подходить к 70 000, а число штыков прогрессировало всего до 11–12 000. Во главе корпусов стали генерал-майор граф Пален¹⁴¹ и генерал-лейтенант Е. К. Арсеньев¹⁴², армией стал командовать Родзянко, а фронтом Юденич, остальные армии фронта отсутствовали. Генерал Юденич привез с собой из Финляндии множество своих людей, которые тотчас же стали сменять старых работников и создателей армии. Началось целое хитросплетение интриг и раздоров и глухое недовольство Юденичем. Армия образовала ряд внутренних фронтов: — Родзянки, Палена, Юденича, Балаховича. Вместо усовершенствования организации время тратилось на взаимное подсиживание и разоблачения. Образовались органы контрразведки у Родзянки, у Юденича, у Балаховича. Эти органы особенно усиленно работали на внутренних фронтах, внося полный разлад и атмосферу взаимного недоверия. Наконец, произошла попытка ареста Балаховича в самый разгар большевистского наступления на Псков: Балахович успел бежать на эстонскую территорию, а штаб его был арестован, причем начальник его штаба некий полковник Стоякин¹⁴³ оказался самозванцем и фальшивомонетчиком и был расстрелян. В разгар всего этого скандала большевики взяли Псков, — отчасти вследствие неустойчивости эстонцев, граничащей с предательством, отчасти вследствие того, что начальство всех рангов в это время было занято переворотом.

Итак, вскоре после прибытия Юденича и Ямбура, и Псков отошли к красным, осталась узенькая полоска вдоль Наровы и кусок Гдовского уезда. В это время началось интенсивное прибытие английских грузов снаряжения и закончилась концентрация американского продовольствия для армии и населения Петрограда и освобожденных областей. Армия понемногу одевалась и снаряжалась. В это же время произошел ряд событий политического характера.

¹⁴¹ Алексей Фридрих Леонид Петрович фон дер Пален (25.03.1874–06.06.1938) — генерал-лейтенант, командир I стрелкового корпуса.

¹⁴² Евгений Константинович Арсеньев (03.11.1873–29.05.1938) — генерал-лейтенант, командир II стрелкового корпуса.

¹⁴³ Стоякин (?–23.08.1919) — авантюрист, полковник, начальник штаба войск Псковского района и начальник штаба Особой сводной дивизии С. Н. Булак-Балаховича. Убит.

С одной стороны эстонцы, усиленно подогреваемые группой Иванова, стали предъявлять энергичные требования признания их независимости, не довольствуясь, в этом случае, согласием на это Юденича и заговаривали об образовании правительства С[еверо-]З[ападной] области России, которое бы, если бы и не дало им эту самую «независимость», то, во всяком случае, могло бы состряпать хоть нечто, за что можно было бы уцепиться в Париже. С другой стороны, сам Иванов с группой ревельских и псковских друзей всеми силами стремился, хоть к призрачной власти и мечтал из этой группы сформировать местное правительство и его возглавить. Обширный опыт Пскова и Гдова позволял ему рассчитывать на успех. Эстонцы деятельно его поддерживали, его газета извергала лаву на голову командования, сам он обивал английские пороги. Около этого времени из Гельсингфорса прибыл Э. С. Маргулиес¹⁴⁴, богатый опытом Одессы и совместно с корреспондентом Таймса Поллоком и г[оспо]дой Яворской стал обрабатывать английских генералов Гофа¹⁴⁵ и Марча¹⁴⁶ в смысле необходимости образовать С[еверо-]З[ападное] правительство. Засим Э. С. Маргулиес в собственном своем лице высадил десант в Ревеле и, по-видимому, немедленно же вошел в соприкосновение с Ивановым. К этому времени из числа членов Гельсингфорского политического совещания при Юдениче в Ревеле находился только С. Г. Лианозов, остальные, т. е. генерал М. Н. Суворов, В. Д. Кузьмин-Караваев¹⁴⁷ и А. В. Карташев¹⁴⁸, находились в Гельсингфорсе. Генерал Юденич был в Нарве.

Возможно, что все бы и обошлось и никакого правительства и не образовалось бы, если бы в это время Юденич не совершил величайшую ошибку. Сделавшись главнокомандующим фактически, т. е. переехав из Гельсингфорса в Нарву, он совсем отстра-

¹⁴⁴ Мануил (Эммануил) Сергеевич Маргулиес (Сигизмундович) — общественно-политический деятель, предприниматель.

¹⁴⁵ Хьюберт Гоф (12.08.1870–18.03.1963) — английский генерал, руководитель союзнической военной миссии в Финляндии и Прибалтике (1919).

¹⁴⁶ Фрэнк Грэм Марч (Марш) (1875–1957) — английский бригадный генерал, заместитель главы союзнической военной миссии генерала Х. Гофа.

¹⁴⁷ Владимир Дмитриевич Кузьмин-Караваев (28.08.1859–17.02.1927) — общественно-политический деятель, юрист, член Политического совещания при генерале Н. Н. Юдениче.

¹⁴⁸ Антон Владимирович Карташев (11.07.1875–10.09.1960) — государственный деятель, министр исповеданий Северо-Западного правительства.

нился от Политического совещания и, как говорят, под влиянием генерала Кондзеровского¹⁴⁹, перестал с ним считаться. Одновременно, забыв, что Эстония — наша база и что мы целиком от нее зависим, генерал Юденич резко переменялся в отношении эстонского военного командования и написал генералу Гофу письмо, в котором предъявил ряд требований в отношении Эстонии, взамен его личного согласия на признание ее независимости. Одним из требований было подчинение ему эстонского военного командования.

Кто внушил Юденичу это письмо, один Господь ведает. Это письмо было генералом Гофом вслух прочитано перед представителями эстонского правительства и командования и вызвало бурный взрыв негодования.

Наше положение в Эстонии стало невыносимым — общее недоверие к нам не только эстонского общества, правительства, но и всегда расположенного к нам военного командования — было последствием.

В это время нажим Маргулиесо-Ивановского фронта на англичан достиг своего высшего напряжения. И вот в один непрекрасный день в английскую миссию были приглашены члены политического совещания и целый ряд так называемых «представителей русской общественности» г. г. Ревеля и Пскова. К собравшимся лицам, еще не знавшим цели собрания, за исключением немногих, обратился с длинной, говорят, почти оскорбительной речью генерал Марч и в конце ее, поглядывая на часы и заявив, что ему некогда, потребовал, чтобы из присутствующих был бы составлен русский демократический кабинет. На создание этого английско-Маргулесо-Ивановского детища было дано ровно 40 минут. Кабинет образовался в следующем составе: председатель, он же министр финансов и иностранных дел — Лианозов; торговли, промышленности, снабжения и народного здоровья — Маргулиес (рад[икальный] дем[ократ], еврей); земледелия — Богданов¹⁵⁰ (с[оциалист-]р[еволюционер]); продовольствия — Эпшинский¹⁵¹

¹⁴⁹ Петр Константинович Кондзеровский (Кондырев) (22.06.1869–16.08.1929) — генерал-лейтенант, член Политического совещания при генерале Н. Н. Юдениче.

¹⁵⁰ Петр Алексеевич Богданов (05.09.1888–?) — министр земледелия Северо-Западного правительства.

¹⁵¹ Филипп Григорьевич Эйшинский (02.07.1873–1941) — псковский городской голова, министр продовольствия Северо-Западного правительства.

(с[оциал-]д[емократ], еврей); просвещения — Эрн¹⁵² (к[онституционный] д[емократ]), говорят, еврей); внутренних дел — Александров¹⁵³ (к[онституционный] д[емократ]); военный, он же главнокомандующий — Юденич; морской — Пилкин¹⁵⁴; призрения — Пешков¹⁵⁵ (с[оциал-]д[емократ]); юстиции — Кедрин¹⁵⁶ (к[онституционный] д[емократ]); почт и телеграфов — Филиппео¹⁵⁷ (к. в. д.,¹⁵⁸ грек); государственный контролер — Горн¹⁵⁹ (с[оциал-]д[емократ], еврей); без портфеля — Иванов (просто негодай), юрисконсульт при кабинете — г. Кацнельсон (тоже не из наших). Итак, на 12 министров — 5 евреев.

Можете себе представить, какое впечатление на армию произвел этот кабинет.

Не говоря уже о том, что трудно было мириться с персональным составом этого правительства, оно было совершенно ни к чему и явилось исключительно плодом ошибки, или назовите, как хотите иначе, генерала Юденича. Действительно смешно было говорить о правительстве для половины Гдовского уезда и клочков Псковского и Ямбургского. Трудно было решить вопрос, сколько квадратных верст приходилось на одного министра, или сколько министров на одну квадратную версту. Представьте себе министерство внутренних дел на территории, ранее управлявшейся одним исправником, министерство морское, ведающее одним чинящимся тральщиком и т. п. А между тем, г.г. министры деятельно принялись за создание министерств и некоторые в этом преуспели до крупных цифр, так, министерство юстиции перешагнуло за более, чем 100 служащих, продовольствия, ранее, в моем управлении, обслуживалось 5–6

¹⁵² Федор Александрович Эрн (28.06.1863–26.12.1926) — педагог, председатель Псковской городской думы, министр народного просвещения Северо-Западного правительства.

¹⁵³ Константин Александрович Александров (1875–29.12.1927) — министр внутренних дел Северо-Западного правительства.

¹⁵⁴ Владимир Константинович Пилкин (11.07.1869–06.01.1950) — контр-адмирал, морской министр Северо-Западного правительства.

¹⁵⁵ Александр Симонович Пешков (1881–14.06.1942) — учитель Ревельской гимназии, министр общественного призрения Северо-Западного правительства.

¹⁵⁶ Евгений Иванович Кедрин (1851–1921) — адвокат, министр юстиции Северо-Западного правительства.

¹⁵⁷ Максим Максимович Филиппео — председатель Русского Совета в Ревеле, министр почт и телеграфов Северо-Западного правительства.

¹⁵⁸ Сокращение не расшифровано.

¹⁵⁹ Василий Леопольдович Горн (1876–18.04.1938) — государственный контролер Северо-Западного правительства.

человеками — завели их бЗ, но дела не улучшило и т. д. в том же роде. Персонально характеризовать министров не буду, не стоит, скажу только, что отпадное исключение из всех них представляли Лианозов да Кедрин. Александров вскорости ушел и был заменен Евсеевым¹⁶⁰ (к[онституционный] д[емократ], член Думы).

С Лианозовым я много работал и, признаюсь, с удовольствием. Он умеет понимать обстановку и очень трудоспособен. Из Политического совещания вошел только Лианозов, считая, что он должен в правительстве поддерживать Юденича, а не бросать его на произвол судьбы. Карташев и Суворов, соблюдая чистоту риз, отказались войти в состав кабинета, а Кузьмин-Караваев был почему-то объявлен реакционером и Маргулиес-Ивановым¹⁶¹ отведен. Все трое обиделись и уехали в Гельсингфорс формировать новое правительство, на этот раз специально для Петрограда. Так образовалось правительство С[еверо-]З[ападной] области России, и наступила новая эра.

Как раз через несколько дней после образования этого правительства и фактического главнокомандования генерала Юденича у нас отобрали Псков, и управляемая правительством территория сократилась до кусочка Гдовского уезда, но зато министр призрения вышел из состояния безработицы, получив волну несчастных беженцев-псковичей.

Все эти события произошли в середине — конце августа. Начало новой эры ознаменовалось декларацией и правительственной газетой «Свободная Россия», демократической, с уклоном влево под эгидой Маргулиеса.

Затем началась с одной стороны правительственная работа по подготовке к управлению будущими завоеваниями, а с другой стороны военная подготовка к организации самих завоеваний.

Резиденцией правительства сделался Ревель, а главнокомандования — Нарва. Вскоре между этими двумя городами стала бегать кошка, понемногу, как водится, черневшая и к началу октября ставшая совсем черной.

Начало же октября явилось началом нашего октябрьского наступления на Петроград. Приготовления к нему были большие.

¹⁶⁰ Илья Тимофеевич Евсеев (18.07.1877–1930) — член IV Государственной Думы от Санкт-Петербургской губернии, министр исповеданий, позднее — министр внутренних дел Северо-Западного правительства.

¹⁶¹ Как и ранее, здесь Поляков так иронично именуется двух политических деятелей, действовавших заодно.

Генерал Юденич все управление армией теоретически сосредоточил в своих руках, начальником штаба у него стал генерал Вандам¹⁶², генерал-квартирмейстером генерал Малявин¹⁶³; генерал Родзянко сделан помощником главнокомандующего. Весь Ревель и все гражданские учреждения особой комиссией с драконовскими полномочиями, был[и] очищен[ы] от офицеров, и я сам с должности начальника управления по делам торговли, финансов и снабжения (обслуживавшего три министерства) был вызван в Нарву и назначен инспектором несуществующей авиации. В Нарве толпами бродили офицеры, не получившие никакого назначения. Каков был план наступления, я не знаю, но обстановка была следующая: г. Ямбург с мостом через Лугу и Псков с мостом через Великую и железнодорожным узлом были заняты красными. Направлениями наступления были избраны: Нарва — Ямбург — Петроград и Гдов — Струги-Белые — Луга — Петроград с маленьким заслоном на Псков, впоследствии почти сведенным к нулю. Главный удар сначала в обход Ямбура, затем на Гатчину и далее, Эстонцы должны были продолжать наш левый фланг до моря. Говорят, что кто-то рекомендовал предварительно движения на Петроград занять Ямбург, восстановить в нем мосты, обеспечить их за собой, обеспечить себя со стороны Псковского узла и затем двинуться далее. К сожалению, этому совету не последовали. Армия быстро овладела Ямбургом и Стругами-Белыми: настроение поднялось, многочисленные трофеи и пленные его еще больше подогрели, у командования в зобу дыхания сперло, и все ринулись вперед, не имея в тылу моста через Лугу, не имея, следовательно, с собой броневых поездов, не будучи обеспечены от сюрпризов со стороны Псковского узла. А между тем, уже около 12 октября наша разведка в Финляндии дала нам знать о концентрации красных в Пскове и намерении нанести удар в направлении Гдов — Нарва. Об этом Лианозовым было немедленно же телеграфно сообщено Юденичу, однако этим сообщением пренебрежено, и заслон против Пскова еще более уменьшен.

Войска взяли Лугу, Гатчину, Красное, Царское, Павловск; эстонцы подошли к Красной Горке: англичане ее бомбардировали.

¹⁶² Алексей Ефимович Вандам (Едрихин) (17.03.1867–16.09.1933) — генерал-майор, начальник штаба Северо-Западной армии.

¹⁶³ Борис Семенович Малявин (30.07.1876 — не ранее 1922) — генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западной армии.

Генерал Юденич телеграфировал в Ревель о том, что он через три дня будет в Петербурге¹⁶⁴ и что иностранные миссии должны озаботиться своевременным прибытием в Петербург. Мы все уложились и сели на чемоданы. Началась спекуляция по добыванию пропусков в Петроград. В Финляндии, в Выборге зафрахтовали 20 барж и пароходы для доставки продовольствия в Петроград — это обошлось в 800 000 финских марок или в 4 000 000 рублей.

Но красная Горка не была взята, и в левый фланг армии в направлении на Кипень был нанесен удар, пришлось очистить Красное.

В это время вследствие неисполнения двумя начальниками дивизий оперативных заданий (наперегонки стремились в Петроград) обозначился удар на Лугу и далее: стали отходить и очистили Гатчину.

В это время красные прорвали заслон на Гдовском направлении и их конный полк в 200 шашек даже забрался в тыл, армия покатилась назад за р. Лугу. По счастью к этому времени был готов Ямбургский мост, и красным не досталось трофеев.

Затем отдали Гдов, отдали Ямбург и отошли большею частью сил на эстонскую территорию. Сейчас мы у старого корыта и занимаем небольшой боевой участок впереди Нарвы, а противник ведет бешеные атаки с целью овладеть ею. В Нарве сосредоточена большая часть наших запасов. В результате наступления: а) нами взято свыше 12 000 пленных, много орудий, пулеметов, снаряжения, свыше 1500 вагонов, несколько паровозов; б) перебежало к красным 1500–2000, попали к красным кое-какие запасы в Гдове; в) под ружьем осталось тысяч шесть кое-как боеспособных, остальные, тысяч 12–15, перешли на эстонскую территорию, разоружены и частью попали в запасные батальоны, частью на работы к эстонцам по рубке леса, разработке сланца и т. п.; г) штабы корпусов и большинства дивизий распались, в местах концентрации военнопленных начались вспышки недовольства, войска разнуздались, г.г. офицеры дважды побили генерал-квартирмистра генерала Малявина; эстонцы-солдаты стали срывать в Нарве с наших офицеров погоны, грабить наши обозы, разоружать солдат и офицеров.

Итак, все, в сущности говоря, развалилось. Насколько развал был велик и насколько не было управления ничем, характеризу-

¹⁶⁴ Так в документе. Здесь и далее правильно — Петроград.

ет тот факт, что генерал Юденич, по сдаче Ямбурга, по-видимому, придя в преждевременное отчаяние, послал телеграмму эстонскому главнокомандующему (о подчинении себе которого он прежде хлопотал) с просьбой указать, куда складывать оружие. По счастью эстонский главнокомандующий оказался более русским, чем сам главнокомандующий русский и эту телеграмму не использовал, ответив, в общем смысле, что он уже отдал распоряжения о том, что русские войска по восточную сторону Наровы остаются в русском командовании, а все то, что перейдет на западный берег, не разоружаясь переходит в эстонское командование. Хороши бы мы были, если бы нас разоружили, а большевики в это время прорвали бы фронт. Между тем, возможность этого вовсе не была исключена, т. к. наши войска были бесконечно утомлены непрерывными маршами и боями, деморализованы отходом и полным отсутствием управления. Вот выдержка из письма командира самой надежнейшей части — танкового ударного батальона: «У нас положение окончательно скверно и думаю, что Нарвы не удержать, тогда будет богатая добыча красным, эвакуировать не успеют, войска окончательно расстроены, в штабе полная бездарность и преступная бездеятельность». Немножко сильно, но очень близко к истинному положению вещей.

В это-то тяжелое время в Ревеле вспыхнула экономическая забастовка рабочих, быстро перешедшая в политическую, и начались отказы эстонских войск Нарвского фронта драться с большевиками. В Ревеле появились агитаторы, а товарищ Литвинов¹⁶⁵ в Юрьеве сделал заманчивые предложения представителям прибалтийских государств. Говорят, что предложения эти, в главнейшем, следующие: нейтрализация Северной армии, роспуск С [еверо-] З [ападного] правительства, нейтральная зона между договаривающимися сторонами шириною в 40 верст и какие-то денежные компенсации со стороны Совдепии. Эти мирные предложения упали на вполне благодарную и подготовленную почву, ибо Эстония устала воевать, мало знакома с большевизмом, испытала его в течение короткого срока и не успев изжить, не знакома с методами борьбы большевиков и не представляет себе силы разлагающего влияния Совдепии; Эстония недовольна нашей армией вследствие ее неудач и недовольна всеми и всем из-за непризнания ее независимости.

¹⁶⁵ Максим Максимович Литвинов (05.07.1876–31.12.1951) — советский дипломат.

Военному командованию Эстонии заключение перемирия или мира совершенно не улыбается, но оно вынуждено считаться с настроениями широких масс населения и армии и влиянием социалистически настроенных кругов. Я недавно говорил кое с кем из высших военных чинов Эстонии и слышал почти аналогичные рассуждения следующего рода: «Армия сейчас устала, жаждет отдыха и не видит в большевиках истинных своих врагов. Она не имеет никаких стимулов для дальнейшей борьбы вне отвоеванных ею границ, т. к. воевать за интересы русских ей не улыбается. И это тем понятнее, что г.г. из газеты «Социал-демократ» недоумевают, кто для них более враг — большевики или Колчак и Деникин, которых она «искренно ненавидит». Поэтому держать армию в боевом напряжении невозможно и нужно ей дать передышку до весны, а там обстановка может всячески измениться. Разумеется, что демобилизовать армию не собираются, а будут увольнять по очереди в продолжительные отпуска.

Нейтрализация зоны в 40 верст шириною обеспечивает Эстонии мосты через Лугу и Великую, а равно Псковский узел на случай наступления. Всякие же договоры о мире или перемирии при нынешних обстоятельствах, да еще по отношению Совдепии, разве не клочки бумаги для каждой данной удобной минуты. На мой вопрос, что же будет с нашей армией — эстонцы отвечают, что возможно одно из двух, — либо переброска ее на другой фронт, либо существование под видом эстонской. Тут, несмотря на все мои симпатии к эстонскому военному командованию, я все же не хотел бы, чтобы наша армия была в руках этого маленького народца, утратив свою теперешнюю самостоятельность.

В настоящее время под влиянием военной обстановки и под давлением эстонцев правительство распускается и заменяется представителем правительства, г.г. министры разъезжаются по белу свету: Лианозов и Кедрин в Париж — первый для доклада о положении дел, а второй просто на отдых; Маргулиес уехал в Финляндию и тоже, кажется, хочет устремиться далее с неизвестными целями; остальные министры, вероятно, обратятся в первобытное состояние на территории Эстонии.

Что касается армии, то здесь тоже произошли крупные перемены. Юденич сдал командование генералу Глазенапу¹⁶⁶, приехавше-

¹⁶⁶ Петр Владимирович Глазенап (02.03.1882–27.05.1951) — генерал-лейтенант, командующий Северо-Западной армией.

му с Юга. Родзянко, получив 10 фунтов суточных, отбывает в Англию закупать 5000 лошадей для формирования конного корпуса, на это ему ассигновано 300 000 фунтов.

Злые языки говорят, что это сделано для того, чтобы, как-нибудь его удалить, ибо на простое удаление не хватает решимости.

Если это так, то, по-моему, это более, чем преступно, ибо какой же может быть разговор о конном корпусе, когда здесь не прокормить и тех-то лошадей, которые налицо, а запасов фуража абсолютно никаких нет. Да и смысла говорить о корпусе в 5 000 коней, когда нужно все начинать сначала для его формирования, начиная с выучки людей и объезды лошадей и кончая снаряжением и вооружением. Глупая затея, в особенности теперь, когда мы, в сущности говоря, в финансовом положении, — банкроты.

Арсеньев уезжает в Гельсингфорс. Часть генералов тоже разбредается. Генерала Глазенапа я совершенно не знаю, но говорят о нем хорошо и нужно надеяться, что он справится с тем развалом, который здесь произошел. Начальником штаба у него назначен генерал Самарин¹⁶⁷, который, кажется, состоял при Керенском, его я тоже не знаю, но уже самый факт состояния при Керенском мне противен.

Какую роль предполагает взять на себя генерал Юденич, я не знаю, но общий голос за то, чтобы он куда-нибудь уехал. В нем видят причину вообще всех наших неудач и военных и политических. Единственно, что делает его ценным, это те фунты, которые ассигнованы в его распоряжение Колчаком.

Все говорят о том, что он мягок, нерешителен и с возложенной на него задачей ни в каком отношении справиться не может. Лично мой взгляд, разделяемый, по-видимому, очень многими — это необходимость прибыть сюда кого-нибудь с твердой волей, кто мог бы хорошей палкой заставить себя слушать. Иначе мы еще больше развалимся.

Кандидатами в вожди вместо Юденича, по-видимому, являются только генерал Гурко¹⁶⁸, да Лечицкий. Но где они — неизвестно. Говорят, что второй в Совдепии, а первый неприемлем для союзников.

¹⁶⁷ Сергей Николаевич Самарин (14.05.1877–01.09.1942) — генерал-майор, начальник штаба Северо-Западной армии.

¹⁶⁸ Василий Иосифович Гурко (Ромейко-Гурко) (08.05.1864–11.02.1937) — генерал от кавалерии.

Начинаю думать, что, если для союзников неприемлем генерал, могущий установить порядок и организовать прочную силу, — то им, вообще, неприемлемо создание «единой и неделимой». Ибо смешно говорить об ориентациях человека, у которого дом горит, и в огне гибнут близкие люди.

Было бы хорошо, если бы сюда приехал генерал Гурко и, если бы Вы оказали к этому Ваше содействие, Вы сделали бы поистине великое дело.

Кстати, скажу Вам о нашем финансовом положении. Оно не только плохо, но оно неприлично. Судите сами. Вскоре после образования правительства из Стокгольма были привезены отпечатанные там знаки полевого казначейства, подписанные Юденичем и Лианозовым, на сумму около 1 500 000 000 рублей. При выпуске этих денег в обращение правительство, в которое вошли оба лица, подписавшие деньги, объявило, что после взятия Петрограда, через три месяца за эти деньги будет уплачено по фунту за каждые 40 рублей. Что деньги эти обеспечены фунтами, находящимися в распоряжении Юденича в Лондоне. Реклама была пущена широкая, и первое время на скупленные эстонские марки производится размен на наши деньги по курсу полторы эстонских марки за один наш рубль. Выпущенные мною знаки были изъяты из обращения обменом их на новые по паритету. Затем началось расходование привезенных денег, расходование в достаточной степени неудержимое. К счастью, по сие время, выпустили всего около 130 000 000. Через две недели после появления новых денег в свете пришлось обменивать их на эстонские марки, т. к. с одной стороны на наш рубль давило эстонское правительство, а, с другой, широкие слои населения относились к ним с недоверием и принимали неохотно, не особенно веря, после наших майских неудач в возможность для нас скоро занять Петроград.

Уменьшение правительством курса с 1 ½ на 1 марку еще более разочаровало население, и наш рубль стал котироваться на рынке в 80–90 пенни. Успешное наступление на Петроград подняло курс рубля до 120–130 марок, а наши, последовавшие затем, неудачи сразу свалили его [до] 20–30 пенни. Сейчас он идет по этой последней цене, временами опускаясь до гривенника.

Между тем, этими деньгами выплачивалось жалованье, пособия, пенсии, ими же заплачено за некоторые товары. Получилось невыносимое положение, т. к., с одной стороны, население и войска получили денежные знаки более, чем с сомнительной покупа-

тельной способностью, а, с другой стороны, правительство и главнокомандующий, широко рекламировавшие эти деньги, оказались в положении людей, совершивших какую-то мошенническую операцию. В этом именно смысле и трактует эстонская пресса создавшееся финансовое положение.

В связи с финансовым положением и непопулярностью Юденича находится массовый уход офицеров и солдат из армии. Многие поступают в эстонские войска, многие уходят в Балтийский полк, сформированный из местных немцев, многие уходят к Балаховичу, который после своего ареста, просидев некоторое время спокойно, стал формировать какую-то белорусскую армию, долженствующую самоопределять Смоленскую, Витебскую и Могилевскую губернии. Наконец, многие просто разбредаются по Эстонии. Если так продолжится дальше и если Глазенап не сумеет справиться с тяжелым наследием Юденича, то армия развалится совсем. А ведь Вы знаете, как тяжело распорядиться наследством при жизни наследователя, да еще к тому же ведущего свою, никому непонятную, линию.

На мой взгляд, сейчас могут быть только два выхода из создавшегося положения.

Либо продолжать осуществлять план похода на Петроград, либо перебросить армию на другой фронт.

Попробую обе эти возможности проанализировать.

1. Продолжать поход на Петроград силами Северной армии, не имея, как я уже говорил, прочной и дружелюбной базы в Эстонии, — по-моему, невозможно. Скажу более, что взять Петроград нельзя и без участия Финляндии. Стало быть, для взятия Петрограда нужны следующие условия: а) прочно организованная армия с обеспеченными базой и всеми видами снабжения; б) вооруженная помощь Эстонии; в) вооруженная помощь Финляндии; г) наличие запасов всякого рода для населения Петрограда после его освобождения.

Условия тяжелые и громоздкие и возникает вопрос, стоит ли, при наличии их, задаваться мыслью взять Петроград, и поскольку он сам по себе является призом, вознаграждающим столь тяжкие условия.

На это лучше всего отвечает совдепская пресса, показания пленных красных и беженцы из Совдепии, а равно агентура. Девиз Совдепии един «падение красного Петрограда — конец пролетарской революции». Два года совдепские массы и Красная армия воспитываются на этом лозунге и пропитались им насковзь.

И действительно — взятие красного Петрограда — это такой моральный удар, который вряд ли может быть пережит Красной армией, на знаменах которой, его защита, единственная цель.

В то же время и в глазах всего света взятие Петрограда, как мне думается, покажется началом конца восточного вопроса, оно открылит нам сочувствующих на новые усилия и придавит шипение наших врагов.

Взятие Петрограда — это конец революции. Таково мое глубочайшее убеждение. Конечно, взятие Москвы имело бы еще большее значение, но до Москвы сотни верст, а до Петрограда десятки.

Вот в силу этой-то возможности занятия Петрограда, мне кажется, не страшны те усилия, которые для этого требуются.

Вооруженную мощь Эстонии и Финляндии получить нетрудно, если первой обещать политическую независимость в виде приза за взятие и удержание в наших руках Петрограда, а второй, которая ее фактически уже имеет, кроме признания независимости тоже в качестве приза, дать еще и материальную помощь в виде займа, т. к. в то время, как Эстония все снабжение получала от союзников, Финляндия такового не имеет, а живет своими запасами, которых у нее всего, кажется, на два месяца войны.

Что касается до необходимости организации армии и базы, а равно обеспечения армии снабжением, то при заключении военной конвенции с Эстонией и Финляндией мы получим в наше распоряжение двойную охватывающую базу, укрепим наше положение в глазах союзников и тем обеспечим прилив снабжения.

Наконец, военная конвенция с Финляндией и Эстонией делает для последней, а равно и для ее соседей совершенно бессмысленным заключение мира или перемирия, следовательно, не позволяет больше большевикам оттянуть свои войска от границ прибалтийских государств и перебросить на фронт Деникина или Колчака.

Между тем, опять-таки повторяю, что политическая независимость гроша ломанного не стоит, раз нет независимости экономической. При зависимости же от России обеих этих провинций трудно думать, чтобы нельзя было их привести в порядок таможенными способами.

Последнее условие, т. е. заготовка всякого вида снабжения для населения Петрограда, имеет очень большое значение, ибо Петроград испытывает нужду решительно во всем и обрекать его

на голодное существование по занятии белыми совершенно недопустимо.

2. Отказавшись этой дорогой ценой взять Петроград, остается переброска армии на другой фронт, первый вопрос — куда перебросить. Думать о переброске в Финляндию, очевидно, не приходится, ибо там она будет еще в худших условиях, чем в Эстонии. Переброска в Латвию ничем не лучше, отдаляя ее только от объектов наступления — Москвы и Петрограда, не внося существенного улучшения в ее положение, но зато создавая новый неприятный фактор — близость немцев и, следовательно, все прелести сидения между двумя стульями. Северный фронт не интересен, и переброска туда бесконечно трудна.

Остается перебраться к Деникину, но, конечно, не путем морского переезда в Одессу и затем вливания на какой-либо участок фронта, а путем примыкания к фронту Деникина, удлинения его фронта, а именно путем перехода на польско-литовскую территорию. Тогда, если только соглашение между Польшей и Деникиным действительно состоялось, мы получим единый фронт от моря до моря. Для этого налицо много благоприятных условий и в том числе наличие в нашем распоряжении 26 паровозов, 1200 товарных и 80 классных вагонов. Наша армия могла бы, воспользовавшись этим железнодорожным составом, постепенно перебраться через Валк — Двинск на левый фланг польско-литовских войск, а затем, если понадобится, продвигаться вдоль фронта для непосредственного влития в левый фланг Деникина. Не знаю, на чем мы остановимся. Но мне все же кажется наиболее жизненным направление на Петроград, ибо этим разрешается вопрос начала конца большевизма.

Последние дни наступило некоторое улучшение, французы, вероятно, в связи с результатами выборов [в] палату депутатов стали немножко активнее и даже на днях прикрикнули на эстонцев за то, что те стали называть нашу армию «бывшей». Относятся к нам г.г. эстонцы, вернее их социалисты, отвратительно, нам приходится снимать погоны, чтобы не подвергаться оскорблениям. Но нужно отдать справедливость, что во многом и мы сами виноваты.

Ниже я привожу выдержку из одной местной газеты: в которой, к сожалению, кроется большая доля обидной правды:

(«От нашего корреспондента 2 декабря»).

«Сев[еро-]Зап[адная] армия рассыпалась. Нигде не видать больше тех боеспособных, отступивших за эстонские границы

частей, про которые местная русская газета еще на днях писала. Но можно видеть движущиеся по нарвским улицам человеческие тени, т. е. шатающихся с тупым выражением лица солдат этой бывшей армии, окончательно разбитых голодом и болезнями. Одежды они в лохмотья. Шинели наполовину сгорели. Они у бивачного костра, свалившись с ног от усталости, а во время сна их одежды сгорели.

Вблизи вокзала попадаетея навстречу отряд таких солдат. Один из них плачевным голосом просит указать ради Христа больницу. Их около 30 человек послали как больных в Нарву из Йево, куда они прибыли после отступления без проводника и без всего. Теперь они не знают, куда идти. Пищи они не видели несколько дней. У одного солдата отморожена нога, и он при поддержке другого, измученного голодом солдата, еле пробирается вперед. Их отправляют в больницу. На улице собралась кучка людей. Смотрят на мальчишку, который прижавшись к стене, не может говорить. На нем русская фуражка и белый крест. Наконец, ему удается сказать, чтобы его отправили в больницу. Он уже 6 дней не видел человеческой пищи. Если прогуливаться по улицам, то можно видеть разные вариации таких картин. Можно видеть не только окончательно разбитых русских солдат, но и пришедших с отступающей армией частных лиц, которые шатаются по улицам чужого города без надежды что-либо предпринять.

В конце концов, при обсуждении проблемы освобождения России, думается, не была ли последняя операция для взятия Петрограда глупой трагикомедией. Когда наступление началось, Юденич официально сообщил, что его армия теперь снабжена всем союзниками, т. е. что теперь можно начать дело с самыми лучшими надеждами. И все-таки последняя операция кончилась грустно.

Русских солдат винить нельзя. Наши люди сами говорят, что в этой армии имеются хорошие ударные части. Русский мужик все еще тот же самый выносливый мужик, который в состоянии воевать при самых тяжелых условиях. Но при таких гнусных условиях и за идею, за какую Сев[еро-]Зап[адная] армия посылает в огонь, никто не в состоянии сражаться.

Мне рассказывает один эстонский офицер, в последнее время находившийся в тесном единении с Сев[еро-]Зап[адной] армией следующее: правительством Сев[еро-]Зап[адной] России было взято снаряжение на 110 000 человек. В число это входили несколько десятков тысяч чиновников, работающих в многочислен-

ных учреждениях. Войска, находившегося на фронте, насчитывали 25 тысяч штыков. Запасные войсковые части были большие. В армии было 4650 офицеров, в том числе 54 генерала. Представьте себе, что при таком большом количестве офицеров на фронте было всего только 560 офицеров. На каждый полк приходилось только 26 офицеров. В некоторых полках, например, кассир должен был исполнять также и обязанности ротного командира. Каждый полк имел свою запасную часть, которая была больше своего действующего полка. В них офицеров было больше, чем в частях, находящихся на фронте. В каждом полковом обозе было, по крайней мере, 18–20 офицеров.

В одной Нарве в последнее время было приблизительно 1600 русских офицеров. Что они там делали, трудно сказать. Во всяком случае, все они служили в разных учреждениях. В Нарве усиленно работало «Морское управление». В этом учреждении служили 52 офицера, 18 барышень с утра до вечера писали на 18 пишущих машинках. Под ведомством этого «Морского управления» находилось только одно единственное судно, старый «Китобой» с двумя старыми пушками.

Петроград еще не был взят, но было уже учреждено «Управление Петроградского генерал-губернатора». В этом управлении была личная охранная рота в 200 человек, комендантская команда в 360 человек. Офицеров здесь служило 18 человек. При этом управлении было уже открыто какое-то «государственное конюшенное управление». В каждый освобожденный от большевиков город назначались непременно 5 комендантов. Так, в Гатчине был комендант города, комендант района, комендант охраны и еще два коменданта, названия которых я забыл. В каждой деревне должен был быть комендант. Из 52 генералов 6 были еще в резерве, но для 12 генералов были созданы уже соответствующие места. Кроме места Петроградского генерал-губернатора и генерал-губернатора освобожденных областей были еще созданы места начальника тыла Петроградского губернатора, при главнокомандующем армией — главнокомандующего войсками театра военных действий и много других.

В их правлениях, комендатурах, в многочисленных штабах и в других тыловых учреждениях происходили горячие схватки на словах за освобождение Петрограда. Вследствие этого, конечно, из 4660 офицеров на фронте оказалось только 560 человек. Трудно сказать, можно ли назвать поход на Петроград просто шуткой или чем-либо другим.

Такого хорошего снабжения, как эта армия получила от союзников, наши войска и не видали. Офицерам все было выдано, вплоть до носовых платков и зубных щеток. Нельзя сказать, что все простые солдаты были порядочно одеты. Их большие запасы обмундирования остались под Гдовом, и теперь уже на фронте видны большевики в английской форме.

Неспособность Сев[еро-]Зап[адной] армии [к] организации высказалась в том, что она не сумела поставить своим людям запасы продовольствия, которые так и остались. Многие и теперь еще голодают и мерзнут. При всем том противно слышать толки некоторых русских о том, будто бы все несчастье произошло от того, что какими-то судьбами эстонцы и большевики действовали сообща. Этому народу ничего не докажешь. Он не в состоянии видеть и слышать, и учиться.

Но это не важно. В Нарве еще существуют кафе с довольно хорошим оркестром, где можно щеголять в английской форме, приятно пошвыстывать и строить новые планы для взятия Петрограда».

На этом я заканчиваю свое письмо, хотя много бы еще хотелось сказать, но, к сожалению, нет времени, ибо и то, что уже написано, писалось наспех, за что очень прошу меня извинить.

Чувствую, что, по временам я, быть может, был и резок в своих суждениях, но иначе нельзя, душа наболела во всей той путанице, которая творилась и творится здесь, нет здесь сильного человека, нет и успеха.

Однако я все время старался был справедливым и в этом отношении думаю, что не погрешил.

Я очень надеюсь, что мое письмо позволит Вам немного ориентироваться в нашей обстановке, но я очень прошу не делать его достоянием широкой гласности, хотя бы ради убережения меня от съедения персонажами в нем затронутыми.

Теперь разрешите обратиться с чисто личной просьбой — в Одессе остался мой отец, артиллерии генерал-майор Петр Васильевич Поляков. Последний его адрес был: Институтская, 3. Я уже более двух лет не имею о нем никаких сведений и был бы Вам глубоко благодарен, если бы Вы навели о нем справки и дали бы знать нам с ним о нас обоих и, если возможно, помогли бы моему отцу, если он нуждается. Отсюда это сделать совершенно невозможно.

Сердечный привет и был бы очень рад, если бы Вы так или иначе откликнулись на мое письмо.

Адрес мой: Ревель, Малая Розенкранцкая, 11, кв. 2 или через штаб генерала Юденича.

Жму Вашу руку. Искренне уважающий Вас и преданный Вам Б. Поляков.

4/XII 1919 г.

г. Ревель

Архив Гуверовского института. В. V. Gerua collection.

Box 4. Folder 10. Подлинник. Машинопись